

МАЙЯ ЗЕМЦОВА

ОФИЦЕР

Приказано

ЖЕНИТЬСЯ

Майя Земцова

Офицер. Приказано жениться

«Литнет»

2026

Земцова М.

Офицер. Приказано жениться / М. Земцова — «Литнет», 2026

— Вы распишетесь в конце месяца, — отчеканил генерал Басманов. — И прекрати сверлить меня взглядом, Денис. Поедешь в Пекин женатым человеком, как и положено. А ты... — генерал посмотрел на меня взглядом, от которого меня бросило в озноб. — Получишь свой миллион. Сделка выгодна всем.— Я не стану нянчиться с дочерью уголовника, отец, — цедит сквозь зубы Денис.— Станешь.***Еще недавно мой отец был уважаемым генералом, а теперь отбывает срок за коррупцию. Для всех я дочь «предателя».Денис Басманов холоден, высокомерен и презирает меня за «позорное» происхождение. Он блестящий офицер и для него я лишь обуза, навязанная отцом ради карьеры в Пекине.А для меня этот брак — единственный шанс оплатить дорогостоящее лечение и спасти папе жизнь. От ненависти до любви Властный офицер Фиктивный брак Дочь «врага» ХЭ! Книга участница литмоба «Жена по приказу»

© Земцова М., 2026

© Литнет, 2026

Содержание

Глава 1. Вот так новость	5
Глава 2. Жених не рад	8
Глава 3. Сомнения	11
Глава 4. Кольца	13
Глава 5. ЗАГС.	16
Глава 6. Свидание с папой	19
Глава 7. Марина	22
Глава 8. Вечер перестал быть томным	24
Глава 9. Неожиданная встреча	27
Глава 10. Переезд	32
Глава 11. Новоселье	35
Глава 12. Тренировка	40
Глава 13. Операция	43
Глава 14. Генерал Басманов	46
Глава 15. Платье	48
Глава 16. Пока, Пончик	51
Глава 16.1	55
Глава 17. Слухи пошли	58
Глава 18. Чёртова красная помада	64
Глава 19. Титаник	66
Глава 20. Профдеформация Егора	68
Глава 21. Свадьба	70
Глава 22. Вот и всё	75
Конец ознакомительного фрагмента.	76

Глава 1. Вот так новость

— Крылова! Срочно дуй на третий этаж. Тебя вызывает генерал Басманов. Лично.

От слов Лидии Петровны, моей начальницы, внутри всё оборвалось. В её глазах мелькнуло откровенное злорадство.

Все в отделе знали, что я работаю здесь исключительно по милости Басманова. Дочь опального генерала Крылова. Того самого, что сел за коррупцию. «Предателя», как шептались за моей спиной.

Я поспешно схватила папку, развернулась и буквально вылетела из кабинета в коридор, совершенно ничего не видя перед собой.

И тут же со всего размаху врезалась в кого-то высокого и невероятно твёрдого.

Папка выскользнула из рук, а листы белым веером брызнули на пол. Я бы и сама неминуемо полетела следом, но сильные мужские руки мгновенно перехватили меня за талию, не дав встретиться с полом.

— Осторожнее, — раздался сверху глубокий бархатный голос.

Я вскинула голову и замерла, напрочь забыв, как дышать.

Передо мной стоял сногшибательно красивый мужчина в форме майора. Тёмные волосы, жёсткие скулы и пронзительные зелёные глаза, в которых сейчас читался лёгкий интерес.

От его уверенной хватки кожу сквозь тонкую ткань блузки буквально обожгло горячим током. Сердце предательски ёкнуло и забилось где-то в самом горле. Мы смотрели друг на друга на пару секунд дольше, чем того требовало случайное столкновение.

— Крылова! — раздался из открытой двери визгливый оклик начальницы. — И релиз не забудь доделать, жду к трём часам!

То, что произошло дальше, было похоже на ледяной душ.

Лёгкая улыбка в зелёных глазах майора погасла в ту же секунду. Его лицо окаменело, превратившись в непроницаемую жёсткую маску. Он так резко убрал руки с моей талии, будто прикоснулся к чему-то мерзкому. С откровенной брезгливостью одёрнул свой идеально сидящий китель.

— Смотреть надо, куда идёшь, — процедил он уничтожающим тоном, в котором от былой теплоты не осталось абсолютно ничего.

Он развернулся и чеканным шагом пошёл прочь по коридору, с холодным равнодушием переступая через мои разлетевшиеся бумаги.

Я так и осталась стоять, растерянно глядя ему вслед.

Видимо, даже этот незнакомый красавец майор прекрасно знает, чья я дочь, раз одно только упоминание моей фамилии вызвало столько презрения.

С трудом проглотив горький комок обиды, я опустила на колени собирать листы. Раскисать было нельзя.

Только бы Басманов меня не уволил. Хотя именно он милосердно пригласил меня на эту работу после того, как отца посадили. С красным дипломом МГИМО я могла бы строить блестящую карьеру, но после ареста отца на мне повисло невидимое клеймо.

Теперь эта скучная должность младшего специалиста пресс-службы с зарплатой, достойной слёз, была моим единственным шансом хоть что-то скопить папе на операцию.

До третьего этажа я добралась как в тумане.

Там была совсем другая атмосфера. Широкий коридор, высокие потолки. Со стен на меня укоризненно смотрели портреты генералов.

Перед дверью приёмной я сделала глубокий вдох и вошла внутрь.

— Я к генералу Басманову. Моя фамилия Крылова.

Секретарь окинула меня оценивающим взглядом. От дужек очков опускалась старомодная цепочка.

— Проходите.

Генерал Басманов сидел за массивным столом у окна в форме с погонами, на которых сияли три звезды. Широкие плечи, прямая спина. Глядя на его военную выправку, я поймала горький флешбек

Нахлынули воспоминания, как раньше, пока училась, приходила сюда на практику. Отец устроил меня в своё управление. Работала с документами, переводами.

В конце дня я заходила к отцу в кабинет, и он встречал меня также сидя за столом, красивый и статный. Я так гордилась им.

А теперь он заперт в колонии и умирает от ишемической болезни.

В глазах защипало. Я поспешно заморгала.

— Здравствуйте, Геннадий Николаевич. Вы хотели меня видеть?

— Присаживайся, Вера, — Басманов указал мне на стул для посетителей. — Разговор нам предстоит необычный.

Я присела, стараясь занять как можно меньше пространства. Идеальнее всего было бы просто испариться, но увы.

— Я слышал, что у твоего отца проблемы со здоровьем,

Я вздрогнула, чуть не съехав с края стула, на котором так аккуратно примостилась.

Басманов знает о болезни отца? Это было удивительно. Я была уверена, что после вынесения приговора коллеги вычеркнули его из жизни.

— Да, товарищ генерал, — выдавила я. — У него проблемы с сердцем. Ишемическая болезнь. Врачи говорят, нужна операция. Шунтирование.

— И? — Басманов смотрел на меня без особых эмоций.

— В колонии такие операции не делают, — голос дрожал. — А очередь в гражданскую больницу по ОМС год, может, два. Врачи сказали, он столько не проживёт. Может случиться инфаркт.

— Сколько стоит операция? — спросил Басманов.

Я сглотнула:

— В частной клинике мне назвали сумму около миллиона рублей. Это если удастся согласовать с ФСИН перевод. Но у меня нет таких денег.

Басманов кивнул:

— Я помогу.

Я подняла на него глаза:

— Что?

— Я организую ему перевод в частную клинику и оплату операцию. Твой отец выживет. Моё сердце пропустило удар. Слёзы мгновенно обожгли глаза, но я тут же подобралась. Бесплатного сыра не бывает, особенно в этих кабинетах.

— Что я должна сделать взамен? — тихо спросила я.

Басманов слегка подался вперёд и сцепил пальцы в замок.

— Выйти замуж за моего сына.

Я часто заморгала, пытаясь осознать эту абсурдную фразу.

— Но... зачем? — выдавила я. — Зачем вам это?

Басманов поднял на меня взгляд:

— Моего сына назначают военным атташе в Пекин. Престижная должность. Но для этого ему нужна жена. Образованная, со знанием языков, протокола. Ты подходишь.

Я моргнула:

— Но почему я?

— У тебя диплом МГИМО. Три языка, включая китайский. Ты работаешь в пресс-службе, знаешь, как держаться на официальных мероприятиях. Этого достаточно.

— Но ведь я же дочь осуждённого, — напомнила я, всё ещё не веря в реальность происходящего. — Разве это не испортит ему досье?

Он откинулся на спинку кресла.

— Напротив, это даже плюс. Мы покажем китайским партнёрам милосердие и благородство нашей системы. Им нравятся такие истории.

— А ваш сын? Он.. знает кто я?

Дверь в кабинет распахнулась.

— Ты вызывал меня, отец? — раздался сзади бархатный голос, заставивший моё сердце замереть в коридоре десять минут назад.

Я обернулась и оцепенела. В дверях стоял тот самый красавец-майор.

Его взгляд переместился на меня, и зелёные глаза мгновенно сузились.

— А вот и наш жених. Знакомься, Денис. Вера Крылова, твоя будущая жена, — невозможно произнёс генерал.

Денис сжал челюсти так сильно, что на скулах заиграли жёсткие желваки.

— Отец, мы это уже обсуждали, — он цедил слова сквозь зубы, глядя на меня с тем же уничтожающим презрением, что и недавно в коридоре. — Я не буду нянчиться с дочерью уголовника. И тем более не надену ей на палец кольцо.

Дорогие друзья!

Рада приветствовать вас в моей новинке! ##Добавляйте книгу в библиотеку и помните, что мы, авторы, всегда очень радуемся вашим звездочкам. ####

Глава 2. Жених не рад

Большого унижения невозможно было даже вообразить.

Я сидела на краешке стула, вцепившись побелевшими пальцами в сумочку, и слушала, как этот невероятно красивый мужчина брезгливо отказывается брать меня в жёны. Каждое его слово хлестало по щекам наотмашь.

Ещё десять минут назад в коридоре между нами проскочила искра, от которой у меня перехватило дыхание. А теперь его зелёные глаза искрились злостью, а сам он смотрел на меня как на грязь. Дочь уголовника. Обуза.

— Вы распишетесь в конце месяца, — отчеканил генерал Басманов. — И прекрати сверлить меня взглядом, Денис. Поедешь в Пекин женатым человеком, как и положено. А ты... — генерал посмотрел на меня взглядом, от которого меня бросило в озноб. — Получишь свой миллион. Сделка выгодна всем.

— Я не женюсь на ней, отец, — ледяным тоном повторил Денис.

— Женишься, — отрезал Геннадий Николаевич. — Не будь идиотом, Денис. Ты десять лет шёл к этому назначению. И поверь, в спину тебе дышат ещё минимум двое кандидатов, которые спят и видят это место. Но холостого туда не пошлют. Это Китай. Семейный статус там выступает главным показателем благонадёжности.

У меня горели уши. Всё мое нутро бунтовало и требовало послать семейство Басмановых к чёрту. Хотелось просто встать, высказать им всё, что крутилось на языке, и хлопнуть дверью.

Но перед глазами стояло бледное, измождённое лицо папы в тюремной робе. Миллион рублей. Цена его жизни и моей свободы. Поэтому я просто продолжала молчать и слушать этот унижительный диалог отца и сына.

— И для этого мне нужна именно она? — Денис даже не смотрел в мою сторону, но от презрения в его низком голосе меня снова бросило в дрожь. — Неужели не нашлось кого-то без криминального родства?

— Твоя жена должна быть не пустой девчонкой с улицы, а той, кто знает, с какой стороны брать вилку на дипломатическом приёме и может свободно поддержать беседу на китайском, — жёстко парировал генерал. — Ты лучше меня это знаешь. У Веры красный диплом МГИМО.

Слышать это было тошно. Я не для того зубрила ночами китайский и корпела над учебниками, чтобы меня сейчас оценивали как породистую лошадь для выставки.

Да, я прекрасно знала дипломатический этикет и могла очаровать любую делегацию без малейшей запинки. Но дико злило, что мой красный диплом пригодился только для того, чтобы стать удобной галочкой в личном деле этого высокомерного майора.

Денис смотрел на отца долго и тяжело. Я видела, как ходят желваки на его резких скулах, как он сжимает кулаки, борясь с желанием разрушить весь этот кабинет к чертям. Но амбиции и карьера взяли верх.

Он резко развернулся к двери, собираясь уйти, но на полпути остановился и обернулся ко мне.

Его зелёные глаза прошлись по моему лицу, словно сканируя каждую черту. В них больше не было ни капли того мимолётного тепла из коридора.

— Заеду за тобой в шесть, — бросил он приказным тоном. — Жди после работы у входа. Поедем кольца покупать. Невеста.

Последнее слово он выплюнул так, будто оно обожгло ему язык.

Денис вышел, с силой захлопнув за собой тяжёлую дверь, а я осталась сидеть в гнетущей тишине кабинета, понимая, что только что добровольно подписала себе приговор на ближайшие два года.

ВИЗУАЛИЗАЦИЯ.

Наш красавец майор ##



Глава 3. Сомнения

— Вы уверены, что это правильное решение, Геннадий Николаевич? — осторожно спросила я. — Денис Геннадьевич совсем не в восторге, судя по всему.

— Я всегда уверен в своих решениях, — отрезал генерал. — И хватит называть его по отчеству. Это твой будущий муж.

Басманов достал какие-то бумаги.

— Вы заключите брачный договор на два года. Можешь изучить копию. По истечении этого времени можешь быть свободна. Тихо разведётесь по возвращении из Пекина.

Он говорил об этом как об обычной деловой сделке. И всё равно я не могла до конца понять, почему он предлагает это именно мне.

— Что вы там с ним будете делать в постели, меня не касается, — продолжил Басманов. — Но, разумеется, ни о каких детях и речи идти не может. Если хочешь, я договорюсь, чтобы тебя осмотрел лучший гинеколог и выписал противозачаточные.

Я почувствовала, как кровь ударила мне в лицо. Это уже было слишком.

— Геннадий Николаевич, вы переходите...

— Вера, — оборвал меня генерал. — Ты хочешь, чтобы твой отец выжил?

— Конечно хочу.

— Ну вот и хватит изображать из себя невинность. Ни у тебя, ни у меня нет времени на детские игры. Если Денис захочет тебя трахать, будь любезна раздвигать ноги. И чтобы потом без заломанных рук и истерик. Ты поняла?

Даже кончики моих ушей запылали от возмущения. Почему я позволяю так с собой разговаривать, пусть даже генералу? Я, в конце концов, не вещь. Может, послать его куда подальше с его Денисом?

И тут же в памяти всплыло бледное лицо отца, когда мы виделись в последний раз. У него была сильная одышка, кончики пальцев были раздуты. Он улыбался мне, но в его глазах я впервые увидела страх. Операцию нужно было делать как можно скорее.

— Завтра утром на твоём счету будет необходимая сумма, — генерал словно услышал мои мысли. — Можешь договариваться с клиникой. Скажешь дату операции, и я согласую перевод и улажу все формальности.

Всё. Гордость тихонько отошла в сторонку. Мне надо спасти отца. Если ради этого придётся два года потратить на высокомерного сына генерала, я готова. В конце концов, папе сидеть куда больше. По сравнению с его сроком два года это ерунда.

В глазах снова начали закипать слёзы.

Я никогда не осуждала отца, не обвиняла его в том, как он поступил. Но иногда позволяла себе мечтать, как бы сложилась жизнь, если бы он не ввязался в это отмывание денег.

— Можешь быть свободна, — прямо намекнул генерал на окончание аудиенции. — По поводу организации свадьбы свяжусь с тобой позже.

— До свидания, Геннадий Николаевич.

По пути на своё рабочее место я никак не могла отделаться от неприятного ощущения, будто продала себя.

Хотя фиктивные браки заключались испокон веков, ничего такого тут не было. Сколько звёзд шоу-бизнеса заключали контракты и жили в браке годами ради карьеры или пиара. Сколько людей женились по расчёту ради денег, гражданства, связей.

Я же выхожу замуж, чтобы спасти отца. Был бы у меня другой выбор, я бы поступила иначе. Но его нет. Даже если каким-то образом я найду деньги, возьму кредит, всё равно без помощи генерала быстро операцию не сделают. Если сделают вообще.

У меня не раз возникало стойкое ощущение, что руководство тюрьмы специально вставляло палки в колёса, чтобы подольше потянуть время. Видимо, для них жизнь осуждённого за коррупцию генерала ничего не значила. Предатель, вор, растратчик. Зачем спасать такого? Пусть сдохнет в колонии, как положено.

Без связей, без денег, без влияния отец просто не доживёт до освобождения.

Лидия Петровна с шакальей реакцией вскинула голову, когда я вернулась в наш отдел.

— Ну что, Верочка, всё в порядке? — с затаённой надеждой на обратное спросила она.

— Да, Лидия Петровна, всё отлично, — елеино ответила я. — Займусь черновиками выступления, сроки горят.

Начальница разочарованно отвернулась, поняв, что ничего выведать у меня не удастся.

Я усмехнулась и открыла рабочую папку на компьютере. Сроки действительно поджимали, сегодня надо бы доделать работу.

Вот только возмутительные слова генерала про раздвигать ноги всё никак не выходили из головы.

Конечно, Денис Басманов был очень привлекательным мужчиной. Половина девчонок из нашей пресс-службы завизжала бы от восторга, предложи им генерал раздвинуть ноги перед его сыном.

Но то, как цинично это прозвучало, да ещё вкупе с презрением самого Дениса, оставило очень неприятный осадок.

К тому же была ещё одна небольшая проблема.

В свои 23 года я всё ещё была девственницей.

Так сложилась судьба.

Школу я закончила экстерном в шестнадцать лет и сразу поступила в МГИМО. Пока одногруппницы ходили по клубам и на свидания, я сидела в библиотеке. Учёба была для меня всегда на первом месте.

Да и папа-генерал изначально задал слишком высокую планку к мужчинам. Мальчишки из универа казались глупыми и неинтересными.

К тому же отец оберегал меня как мог. После смерти мамы, когда мне было тринадцать, он стал ещё строже. Проверял, с кем я общаюсь, куда хожу.

А потом, когда я училась на последнем курсе, его арестовали.

Всё рухнуло в один день. Обыск. Наручники. Позор. Я металась между адвокатами, следователями и судом, было не до парней.

Затем суд. Приговор. Потом болезнь отца. Поиск денег, снова метания, но уже по врачам.

Какие уж тут отношения.

ВИЗУАЛИЗАЦИЯ

Вера

Глава 4. Кольца

Я заработалась так, что не заметила, как пролетело время. Наконец-то закрыв компьютер, я сладко потянулась и взглянула на часы. Половина седьмого. Возникло смутное ощущение, что я о чем-то забыла. Но вроде бы все дела были сделаны.

Взяв сумку, я направилась к выходу. Надо будет заехать по пути в магазин, купить Пончику корм. Так звали кота соседки, за которым я приглядывала, пока она была в отъезде.

Я вышла на улицу и врезалась в широкую мужскую грудь. В нос ударил аромат дорогого парфюма. Я подняла глаза и застыла, встретившись взглядом с Денисом Басмановым. Он был не в форме. Белая рубашка, очерчивающая мышцы, чёрные брюки, идеально сидящие по фигуре.

Вот только лицо его было хмурое, если не сказать злое. И в ту же секунду я вспомнила его слова, что он будет ждать меня в шесть часов у выхода. У меня это вылетело из головы напрочь.

— Денис... — замямила я. — Простите, я совсем забыла о встрече.

— Не удивлён, — бросил он.

Затем он просто развернулся и пошёл в сторону чёрной иномарки. Я не могла не отметить, что мой будущий муж великолепно сложен. На секунду мне даже захотелось, чтобы нас увидели вместе.

— Тебе особое приглашение нужно? — рявкнул он, открывая водительскую дверь. — Садись уже, я не собираюсь тратить на тебя весь вечер.

Дверь он мне, конечно же, не открыл. А ещё офицер, называется.

Я поспешила к машине, дёрнула за ручку пассажирской двери и залезла внутрь.

Салон пах кожей и его парфюмом. Всё внутри было идеально чистым. Ни пятнышка. Ни одной лишней вещи.

Денис так резво дёрнул с места, что я поспешила пристегнуться.

— Куда мы едем? — осторожно спросила я.

— В ювелирный, за кольцами. У тебя в голове вообще ничего не держится?

Я разозлилась.

— Слушайте, я понимаю, что вы не в восторге от решения вашего отца, но можно как-то поуважительнее? Я всё-таки ваша будущая жена.

— Жена? — презрительно фыркнул Басманов. — Не обольщайся. Это формальность.

Он переключил передачу, даже не глядя на меня. Машина резко нырнула в поток.

— Через два года мы разведёмся. Каждый получит своё.

Мы ехали минут десять в полной тишине. Я не решалась заговорить. Денис молчал, глядя на дорогу.

Наконец он съехал на парковку у торгового центра и заглушил двигатель.

Затем повернулся ко мне и впервые за всю дорогу посмотрел прямо в глаза.

— Слушай меня внимательно, Вера. На людях мы — счастливая пара. Улыбки, внимание друг к другу, никаких скандалов. Мне не нужны лишние сплетни. В Пекине ты будешь играть роль идеальной жены. Приёмы, встречи, светские беседы. Все понятно?

У меня внутри всё неприятно сжалось.

— Понятно.

— Отлично, — он открыл дверь. — Пошли. Выберем кольца и разойдёмся. У меня сегодня ещё дела.

Я молча кивнула и выбралась из салона машины.

До сверкающих витрин ювелирного бутика мы шли, не касаясь друг друга. Но стоило нам переступить порог, как Денис резко изменился. Его тяжелая, обжигающе горячая ладонь внезапно легла мне на поясницу.

Я вздрогнула от неожиданности, и по позвоночнику предательски пробежал ток.

— Расслабься и улыбайся, Вера, — тихо, но с жестким нажимом произнес он мне на ухо. Его дыхание коснулось кожи, принося с собой терпкий аромат дорогого парфюма и чего-то первобытно-мужского. — Мы начинаем репетировать прямо сейчас.

Девушка-консультант за стойкой мгновенно расплылась в восхищенной улыбке. Еще бы. Рядом со мной стоял высокий, широкоплечий мужчина с идеальной выправкой, от которого так и веяло властью и деньгами.

— Добрый день! Подбираете обручальные кольца?

— Да, — голос Дениса прозвучал так глубоко и бархатно, что я едва не поверила в этот спектакль. — Покажите классику. Платина, бриллианты. Моя невеста достойна лучшего.

От этого фальшивого «моя невеста» внутри всё перевернулось, но я заставила себя натянуть дежурную улыбку.

Девушка уточнила мой размер, а затем принесла и положила на черный бархат несколько вариантов. Денис даже не стал спрашивать моего мнения. Он просто взял тонкое платиновое кольцо, с крупным бриллиантом в центре и россыпью мелких камней по ободку, властно перехватил мою правую руку и потянул к себе.

Когда его пальцы коснулись моих, по коже пробежала волна мурашек.

Я не могла понять свою реакцию.

Последние месяцы после ареста отца я жила в постоянном страхе, отбиваясь от стервятников и прячась от презрительных взглядов. Я привыкла быть сильной, привыкла всё тащить на себе. А сейчас... рядом с этой подавляющей, тяжелой мужской аурой, в захвате его горячих, чуть шершавых пальцев я вдруг почувствовала себя маленькой и слабой.

На какую-то жалкую, абсурдную долю секунды мне захотелось, чтобы эти сильные руки защитили меня от всего мира. Господи, какой бред. Он меня презирает и не скрывает этого.

Я с силой прикусила нижнюю губу, чтобы прогнать это наваждение.

Денис начал надевать мне кольцо, и вдруг замер. Тяжелый взгляд зеленых глаз медленно поднялся от моих пальцев к лицу, задержался на губах. И словно потемнел от глухого, с трудом сдерживаемого раздражения.

Холодный металл скользнул по безымянному пальцу. Кольцо село идеально.

— Берем эти, — отрезал Денис и резко отпустил мою руку, словно обжегся. Достал карту и бросил ее на стекло витрины.

Оформление заняло пару минут. Как только мы вышли из торгового центра, его рука исчезла с моей талии, а на лицо вернулась привычная маска ледяного презрения.

— Завтра в десять утра будь готова. Я заеду за тобой, отпросись на работе. Поедем подавать заявление, — бросил он, нажимая кнопку на брелоке сигнализации. — И, Вера...

Я остановилась, обхватив себя руками от промозглого ветра. К вечеру ощутимо похолодало.

— Не вздумай вообразить себе лишнего из-за этого спектакля, — его голос резал не хуже стекла. — Ты просто удобный инструмент для моей командировки. Не более.

Он сел в машину, оставив меня одну на парковке. Я смотрела вслед удаляющемуся внедорожнику, чувствуя, как тяжелый бриллиант оттягивает палец.

Инструмент. Обуза. Дочь преступника.

Ничего, Денис Басманов.

Я сглотнула горький ком в горле и заставила себя выпрямить спину.

Ради отца я вытерплю твою ненависть. Главное самой не сойти с ума в этом браке.



Глава 5. ЗАГС.

— Верка, ты совсем, что ли? Какой ещё брак по расчету в двадцать первом веке?! — Танька орала в трубку так, что я слегка отстранила телефон от уха.

Моя двоюродная сестра всегда была эмоциональной и не особо заморачивалась с подбором слов.

— Тань, не кричи, пожалуйста. У меня и так голова раскалывается, — устало выдохнула я, падая на кровать.

— Не кричать?! Ты отдаешь себя какому-то мужику! Дядя Боря бы никогда в жизни такого не позволил! Он бы этому твоему... покупателю ноги переломал!

— Папа сейчас в тюрьме, Таня, — тихо, но твердо перебила я, чувствуя, как к горлу подступает знакомый горький ком. — И у него больное сердце. Этот контракт — мой единственный шанс оплатить ему операцию. Всё. Тема закрыта.

В трубке повисла тяжелая пауза. Я перевернулась на спину и подняла правую руку. Тяжелый платиновый ободок с крупным бриллиантом холодно блеснул в свете ночника. Кольцо было безупречным. Дорогим, изысканным. Настоящая мечта любой девушки. Вот только для меня оно ощущалось как красивое клеймо.

— Господи, Вер... — голос сестры дрогнул и резко потеплел. — Прости. Я просто в шоке. А кто он вообще такой? Какой-нибудь пузатый старый папик с кошельком?

— Нет. Ему тридцать два. Он майор из Генштаба, — я сглотнула, вспомнив тяжелый, ледяной взгляд Басманова. — Ему светит должность военного атташе в Пекине, и для этого нужно идеальное досье: жена, статус, безупречная репутация. А я просто удобный вариант, который согласился на сделку.

— Обалдеть, — потрясенно выдохнула Танька. — Военный... Слушай, ну свадьба-то хоть нормальная будет? Платье ты уже выбрала? А где праздновать будете? Кого из наших звать?

Я горько усмехнулась.

— Тань, я вообще ничего не знаю. Мы завтра подаем заявление, распишемся через месяц. Организацией свадьбы занимается генерал.

— Ни платья, ни праздника... — Танька расстроено шмыгнула носом. — Вер, ну ты хоть держись там. Если этот твой майор будет тебя обижать, сразу звони, я приеду и покусая его.

Я слабо улыбнулась, глядя в потолок.

— Спасибо, Тань. Я справлюсь.

Утром я нервничала. У меня никогда не было этих типичных девичьих мечтаний о фате и белом платье, но даже я не представляла, что мой первый поход в ЗАГС будет ощущаться как подписание добровольного приговора. Никакого замирания сердца от предстоящего счастья, только липкий холод в груди.

Это всё ради папы. Надо помнить об этом.

Черный внедорожник Басманова уже ждал у подъезда, сам он сидел за рулем. Идеально выглаженный темный китель сидел на его широких плечах как влитой, подчеркивая безупречную выправку. Вместо приветствия он лишь сухо кивнул, мазнув по мне тяжелым взглядом.

Едва я успела щелкнуть замком ремня безопасности, как он рванул с места. Манера езды у майора оказалась под стать характеру, жёсткая и агрессивная. Хотя вполне возможно, именно мое присутствие в салоне вызывало у него такое раздражение.

Когда мы наконец затормозили возле здания ЗАГСа, я с искренним облегчением выдохнула. На работу я точно поеду на автобусе, даже если он вдруг предложит подвезти. Хотя вряд ли Басманов снизойдет до такой заботы.

— Давай быстрее, — бросил он, глуша мотор. — Мне через час нужно быть в Генштабе.

«А мне хотелось бы вообще быть на другом конце света», — тоскливо подумала я, но промолчала, послушно открывая дверцу.

Мы зашли в нужный кабинет, где сидела женщина-регистратор за компьютером.

— Доброе утро. Мы подать заявление, — Басманов даже не попытался изобразить трепетного жениха и практически бросил наши паспорта на стол перед ней.

Затем опустился на стул рядом со мной, достал телефон и, хмурясь, принялся быстро что-то печатать, всем своим видом показывая, как его раздражает эта бюрократическая трата времени.

— Доброе утро! — сотрудница расплылась в самой сладкой улыбке, на которую была способна, ничуть не смущенная поведением «жениха». Ее голос зазвучал почти воркующе.

Женщина заметно засуетилась, машинально поправила причёску и бросила на Дениса откровенно восхищенный взгляд. Даже его ледяное равнодушие и хмуро сведенные брови не могли перечеркнуть того факта, что в форме он выглядел просто сногсшибательно.

Затем она перевела оценивающий взгляд с роскошного офицера на меня, словно пытаюсь понять, чем такая серая мышка заслужила подобный джекпот.

— Вы такая красивая пара. Регистрация торжественная? С гостями, музыкой?

— Нет, неторжественная. Только роспись в кабинете. Желательно как можно скорее, в связи с моей длительной заграничной командировкой. Справка из Генштаба прилагается, — Денис положил поверх паспортов сложенный лист.

— Понимаю, служба, — закивала женщина, быстро вбивая наши данные в базу. — Так... Басманов Денис Геннадьевич, Крылова Вера Борисовна. Ближайшее свободное окно для неторжественной — двадцать восьмое число. Подходит?

— Да, подходит.

— Невеста берет фамилию мужа? — скорее уточнила, чем спросила работница ЗАГСа.

— Нет, — выпалила я. — Я останусь Крыловой.

Пальцы Дениса замерли над экраном. Громкий щелчок блокировки телефона прозвучал в тишине кабинета как выстрел. Он медленно повернул ко мне голову. В его потемневшем взгляде был такой холод, что у меня перехватило горло. Я поёжилась, инстинктивно отодвигаясь от него на стуле. На секунду мне стало по-настоящему страшно, казалось, этот мужчина, не повышая голоса, просто сотрет меня в порошок.

— Оставьте нас на минуту? — попросил он регистратора ровным, не сулившим ничего хорошего голосом. Женщина растерянно моргнула, но спорить с офицером не решилась и тактично вышла в соседнюю комнату.

Как только дверь закрылась, Басманов подался вперед, нависая надо мной.

— Ты, кажется, забыла условия сделки, — сухо процедил он. — В Пекине мне нужна правильная картина для дипмиссии. Жена с другой фамилией, да еще и опального генерала, в эту картину не вписывается.

— Это же просто фамилия, — упрямо возразила я, до побеления сжимая пальцы на коленях. — Какая разница, что будет написано в документах? Я же еду с тобой.

Денис усмехнулся.

— Разница в том, Вера, что мой отец платит тебе миллион не за то, чтобы ты качала права. Тебя наняли для роли. И ты отыграешь её от и до. Либо ты выходишь отсюда Басмановой, либо мы прямо сейчас рвем заявление, и свои деньги ты идешь искать в другом месте. Выбирай.

Меня словно ударили наотмашь. Он смотрел на меня как на дешевку, готовую на всё ради красивого чека. Меркантильную куклу. Если бы он только знал, зачем мне эти деньги. Что на них я куплю жизнь своего папы.

Я до боли прикусила нижнюю губу, проглатывая подступающие слезы и растоптанную гордость. Сейчас она стояла слишком дорого.

— Хорошо, я согласна, — тихо ответила я, глядя в пол. — Я возьму твою фамилию.

— Разумный выбор, — равнодушно констатировал Денис.

Дверь приоткрылась, и в кабинет осторожно заглянула регистратор.

— Мы всё решили, — голос Басманова снова стал безупречно-спокойным. — Невеста берет мою фамилию. Где нужно расписаться?

Через пару минут женщина-регистратор пододвинула к нам бланки и протянула ручку.

В графе «Присвоенная фамилия после заключения брака» было напечатано: *Басманова*. Я поставила свою привычную роспись, ощущая, как будто стираю в этот момент часть себя. Конечно, будь это настоящий брак, я бы с удовольствием взяла фамилию любимого мужчины. А тут я просто отрекаюсь от своей истории. Да и потом придется обратно менять, столько бумажной волокиты. Но с ним разве поспоришь...

Денис чиркнул по бумаге почти не глядя, размашисто и твердо. Словно подписывал очередной военный приказ, а не заявление. Оставив квитанцию об оплате пошлины, он развернулся и направился к выходу. Я едва поспевала за его широким шагом.

На крыльцо мы вышли в полном молчании. Я жадно вдохнула утренний воздух, чувствуя себя так, словно только что выбралась из душной тюремной камеры.

Басманов остановился у своего внедорожника. Пикнул брелоком и открыл водительскую дверь, даже не посмотрев в мою сторону.

— Мне пора, — бросил он через плечо, садясь в салон. — На работу доберешься сама.

И почему я совсем не удивилась?

Внедорожник сорвался с места, обдав меня запахом выхлопных газов, и быстро скрылся в потоке утренних машин.

Глубоко вздохнув, я поправила ремешок сумочки и пошла в сторону автобусной остановки. Впереди был длинный рабочий день, где мне снова придется улыбаться людям, которые за спиной называют меня дочерью вора.

Глава 6. Свидание с папой

С момента подачи заявления в ЗАГС прошла ровно неделя. Денис Басманов исчез из моей жизни так же резко, как и появился в ней: ни звонков, ни единого намёка на своё присутствие. Судя по всему, майор просто благополучно обо мне забыл до самой росписи.

Меня это более чем устраивало, потому что сейчас все мои мысли занимало совершенно другое. Сегодня мне предстояло непростое испытание — свидание с папой.

Стоя перед зеркалом в прихожей, я тщательно замазывала консилером тёмные круги под глазами, чтобы папа не заметил моего состояния. Кольцо лежало в шкатулке на комод, надевать я его не собиралась. Папе ни к чему было знать, какую цену я на самом деле заплатила за его перевод в гражданскую кардиологию.

До клиники я добралась как в тумане. Элитный кардиоцентр разительно отличался от тех мрачных казенных стен колонии, где папа провел последние два года. Просторные светлые коридоры, запах дорогого антисептика вместо въевшейся хлорки.

Но иллюзия нормальности рухнула, как только я подошла к нужной палате на первом этаже. Возле двери дежурили двое хмурых конвоиров из ФСИН с кобурами на поясах, а сквозь жалюзи на окнах проступали толстые решетки. Папа всё еще оставался заключенным.

Я глубоко вдохнула, натягивая на лицо самую беспечную и уверенную улыбку, и, показав пропуск конвою, толкнула дверь.

Папа лежал на высокой медицинской кровати, подключенный к тихо плавающим мониторам. За эти два года он страшно сдал. Почти полностью поседел, осунулся, скулы болезненно заострились. У меня начало щипать в глазах, но я сдерживала о из-за всех сил.

— Папочка, привет.

— Верочка... — его голос дрогнул.

Я бросилась к нему, осторожно обнимая, стараясь не задеть трубки капельниц. Уткнулась носом в его плечо, до боли сжимая челюсти, чтобы не расплакаться прямо сейчас.

— Как ты, пап? Как себя чувствуешь? — прошептала я, отстраняясь и садясь на край стула.

Он тяжело вздохнул, игнорируя мой вопрос, и заглянул мне прямо в глаза. Его пальцы, холодные и слабые, до синяков сжали мое запястье.

— Откуда эта клиника, дочка? — хрипло, с нарастающей тревогой спросил он. — Кто продавил комиссию ФСИН и перевод? Это бешеные деньги.

— Я продала нашу дачу, пап. И взяла кредит, — не моргнув глазом, произнесла я, хотя сердце ухнуло куда-то в желудок. — А с переводом помогли твои старые сослуживцы. Анонимно. Сказали, что своих не бросают, но светиться пока не хотят.

Отец шумно, с невероятным облегчением выдохнул и откинулся на подушки.

— Слава богу... — прошептал он, прикрывая глаза. Я подумал, что...

Он замолчал. Интересно, о чём он подумал? Что я продала душу дьяволу? В какой то степени так оно и есть. Только не дьяволу, а генералу.

— Кредит... Господи, Вера, во что ты ввязалась ради меня. Как ты будешь его отдавать?

— Не переживай, пап. Всё будет хорошо.

— Послушай, дочка, — папа закашлялся.

Он говорил с трудом, было видно, что ему не очень хорошо. Господи, скорее бы уже назначили операцию.

— Послушай меня внимательно, Вера. Что бы ни случилось... никогда не приближайся к генералу Басманову. Не проси у него помощи. Держись от него так далеко, как только сможешь. Обещаешь?

От того, как исказилось ненавистью его лицо при этой фамилии, у меня болезненно сжалось сердце. Папа не мог простить бывшему начальнику того, что тот просто отвернулся от него на суде и позволил сесть.

Если бы он только знал, что именно генерал Басманов дал миллион на эту операцию, купив меня для своего ледяного, высокомерного сына... Папа бы просто сорвал с себя капельницы. Он бы предпочел умереть, но не взять от них ни копейки.

— Обещаю, пап, — тихо сказала я, проглатывая горький ком. — Тебе главное сейчас восстановиться. Ради меня.

Я поцеловала его в лоб и сжала его руку.

— Что сказал врач, когда смогут прооперировать?

— Через неделю. Сказали, нужно сделать коронарографию, УЗИ вен и кучу разных анализов.

— Слава Богу. Ты поправишься, папа, я уверена. Адвокату удалось получить разрешение на внеурочное свидание, после операции я загляну к тебе.

Я задумалась, держа в ладонях папину руку. По закону строгого режима следующее свидание мне полагалось только через четыре месяца. В это время я уже, скорее всего, буду за тысячи километров отсюда, в Пекине, отыгрывая роль счастливой и послушной жены майора Басманова. Как я объясню отцу свой внезапный отъезд на целых два года?

Мозг лихорадочно перебирал варианты. Нужна была ложь, которую он не сможет проверить. Полуправда.

— Пап, тут такое дело... — я заставила себя тепло улыбнуться и накрыла его ладонь своей. — Я не одна. У меня появился мужчина, и... мы подали заявление в ЗАГС.

Отец замер, удивленно моргнув.

— Замуж? Так неожиданно? Верочка, девочка моя... Почему ты раньше молчала?

— У нас все произошло очень быстро. Любовь с первого взгляда. — Я опустила глаза, чувствуя, как горят щеки от собственного вранья. — Пап, его переводят по работе. В Красноярск. На два года. И я поеду с ним, как только тебя прооперируют и переведут в обычную палату. Он... он очень мне помогает с этим кредитом. Мы справимся.

Отец несколько секунд молчал, переваривая информацию. В его глазах читалась смесь тревоги и слабой, робкой радости за меня.

— Далековато... — тихо произнес он. — Но если он надежный человек и любит тебя... Как его зовут? Кто он такой?

— Денис, — имя настоящего мужа сорвалось с губ легко, но внутри всё заledenело. — Денис Иванов. Он инженер. Таня нас познакомила.

— Денис... — папа задумчиво покатал имя на языке. Его лицо, исеченное глубокими морщинами, вдруг постарело еще сильнее. В выцветших глазах мелькнуло отчаяние человека, привыкшего держать всё под контролем, но оказавшегося абсолютно бессильным.

Он горько, надломленно усмехнулся.

— Инженер, значит... Еще пару лет назад я бы за полчаса поднял на него всё досье. От школьных приводов до неоплаченных штрафов. Вывернул бы всю его подноготную наизнанку, допросил бы лично, чтобы понять, чем он дышит. А сейчас... — отец сжал свободной рукой тонкое больничное одеяло. Костяшки его пальцев побелели. — Выдаю единственную дочь замуж неизвестно за кого, и даже в глаза этому человеку посмотреть не могу. Понять, не обидит ли. Любит ли по-настоящему.

— Пап, ну что ты... — мой голос предательски дрогнул. — Он очень хороший. Правда. Он заботится обо мне.

Отец отвернулся к окну, спрятанному за толстой решеткой. На его скулах заходили желваки.

— Мне сидеть еще восемь лет, Верочка. Восемь долгих лет строгого режима. Если я вообще отсюда выйду... к тому моменту у вас уже, наверное, дети в школу пойдут. Ты выходишь замуж, уезжаешь в Сибирь, а твой отец-генерал даже не сможет провести тебя к алтарю и припугнуть жениха, как полагается. Не сможет защитить.

У меня в горле встал такой ком, что стало физически больно дышать. Я поспешно опустила голову, пряча глаза, чтобы он не увидел моих слез — слез жгучего, невыносимого стыда за ту чудовищную ложь, которой я его сейчас кормила. Если бы он знал, кто мой «жених» на самом деле...

— Вера. Посмотри на меня, — вдруг строго, почти по-военному приказал отец.

Я заставила себя вскинуть влажные глаза.

— Обещай мне одну вещь, — его взгляд был пронзительным и тяжелым. — Если этот твой Денис... если он хоть раз повысит на тебя голос. Хоть пальцем тронет. Если ты с ним будешь плакать — собирай вещи и уходи немедленно. Слышишь? Не смей ничего терпеть ради помощи с кредитом. Мне плевать на эти деньги, плевать на всё! Твоя жизнь и безопасность важнее.

— Поняла, папочка, — прошептала я, чувствуя, как по щеке всё-таки скатилась горячая слеза. — Обещаю.

— Время! — раздался грубый оклик конвоира. Дверь скрипнула, впуская в палату холодный сквозняк. — Свидание окончено. На выход, гражданочка.

Папа тяжело вздохнул, его суровый взгляд смягчился. Отец с трудом притянул мою руку к своим губам и поцеловал дрожащие пальцы.

— Будь счастлива, дочка. И прости меня за то, что я не рядом.

Глава 7. Марина

Денис

Я со злостью сорвал с себя китель и швырнул его на диван. Плевать, что помнётся. Внутри всё клокотало от глухого, бессильного раздражения.

Я подошёл к бару, плеснул в стакан виски и выпил, не поморщившись.

Пекин. Должность военного атташе. То, к чему я шёл годами, стирая зубы в крошку по командировкам и гарнизонам, пока другие протирали штаны в штабах. Для этой должности нужна идеальная картинка: безупречный послужной список, заслуги перед Родиной, правильная семья. Я всё это прекрасно понимал. Система есть система.

Но какого чёрта отец выбрал именно её?

Я сжал стакан так, что побелели костяшки. Вера Крылова. Дочь человека, которого отец лично втоптал в грязь на суде и отправил на строгий режим. Дочь врага. Какой в этом был смысл? Извращённая демонстрация абсолютной власти? Желание генерала Басманова показать, что он может купить даже гордость семьи своего бывшего подчинённого, просто щёлкнув пальцами?

И ведь купил. Всего за какой-то жалкий миллион.

Я криво усмехнулся. Меркантильная, беспринципная сучка. Я думал, у Крылова дочь с характером, а она проглотила обиду, забыла про гниющего на зоне отца и просто взяла деньги.

Если посмотреть со стороны, то всё честно, обычная сделка. Так почему же тогда от всего этого так тошнит?

Отец всегда относился к людям как к расходному материалу. Особенно после того, как не стало матери. С её смертью наш дом окончательно превратился в казарму. Тёплых отношений у нас не сложилось, но я всегда безмерно уважал его за железную волю, фанатичную преданность долгу и абсолютную неподкупность.

Для меня он был эталоном настоящего офицера, чья честь не продаётся ни за какие блага.

Но то, с каким расчётливым, бездушным цинизмом он сейчас распорядился чужой судьбой ради моих погон, вызывало отторжение даже у меня.

Резкая трель звонка прервала мои мысли. Я бросил взгляд на часы и пошёл открывать, на ходу расстёгивая ворот рубашки.

В прихожую шагнула Марина, встряхивая рыжей копной волос. В нос тут же ударил её тяжёлый, сладкий парфюм. Она была моделью и тусовщицей. Мы познакомились год назад в баре и периодически встречались без обязательств и лишних разговоров.

— Денис! Ну наконец-то, — она по-хозяйски бросила сумочку на пуфик и капризно надула губы. — Я тебе звоню-звоню, а ты трубку не берёшь! Совсем про меня забыл?

— Был занят, — сухо ответил я, закрывая дверь. — Много дел по службе.

— Да к чёрту твою службу, — Марина шагнула ко мне, её губы изогнулись в лукавой, соблазнительной улыбке.

Она прижалась ко мне всем телом, обняла за шею. Её руки привычно скользнули на мою грудь, ловко подцепляя пуговицы рубашки. Мужские инстинкты сработали мгновенно, тело отозвалось на близость красивой, сексуальной женщины.

Я перехватил её за талию, притягивая ближе, надеясь заглушить сексом то грызущее чувство паршивости, которое не отпускало меня с момента заключения этой проклятой сделки. Сжал её крепкие ягодицы.

— Я так соскучилась, — томно прошептала Марина, покусывая меня за ухо.

Она распахнула на мне рубашку, её пальцы заскользили по моей обнажённой коже. Мой взгляд случайно опустился на её руки. Яркий, вызывающий маникюр. Сверкающие камни на крупных, броских золотых кольцах.

И вдруг меня словно выключило.

Перед глазами, полностью стирая образ Марины, вспыхнула другая картинка. Тонкие, бледные девичьи пальцы. Хрупкое запястье, которое, казалось, можно переломить одним движением. И то, как тяжело, почти с физической болью, она сглотнула, когда я надевал ей на палец это платиновое кольцо.

Она не выглядела как хищница, сорвавшая куш. Она выглядела как птица, которой прямо сейчас ломают крылья.

Бред. Она сама согласилась. Она взяла деньги.

Я попытался выкинуть этот образ из головы, но перед внутренним взором упрямо стояла тонкая линия её ключиц и эта обречённо опущенная голова. Запах Марины вдруг показался невыносимо приторным, а её уверенные прикосновения — фальшивыми и грубыми.

Возбуждение исчезло, испарилось, словно на меня вылили ушат ледяной воды.

Я резко перехватил запястья Марины и отстранил её от себя.

— Хватит, — мой голос прозвучал глухо и до боли жёстко.

— Денис? — она растерянно моргнула, её руки повисли в воздухе. В глазах читалось искреннее непонимание. — Что не так? Я что-то не то сделала?

Я отвернулся, застёгивая пуговицы рубашки. Нужно было рубить концы прямо сейчас.

— Дело не в тебе. Нам нужно прекратить наши встречи, Марина.

Она нервно рассмеялась, делая шаг назад.

— Это шутка такая? Из-за того, что я без звонка пришла? Динь, ну перестань...

— Я не шучу, — я повернулся и посмотрел ей прямо в глаза, чеканя каждое слово. — Я женюсь.

Повисла тяжёлая, звенящая тишина. Улыбка медленно сползла с её лица, уступая место шоку.

— Женишься? — выдохнула она одними губами. — Ты... ты же говорил, что не создан для брака! Что карьера... Кто она?! Давно вы вместе?!

— Это не твоё дело, — отрезал я ледяным тоном. Оправдываться и объяснять ей, что брак фиктивный, я не собирался. Это никого не касалось.

Глаза Марины наполнились злыми слезами. Грудь судорожно вздымалась от сбившегося дыхания.

— Какая же ты скотина, Басманов... — прошипела она, подхватывая свою сумочку.

Она резко развернулась, схватила свою сумку, вылетела за дверь и с грохотом захлопнула её за собой.

Я устало потёр лицо ладонями, ощущая тяжесть в затылке. В кармане брюк завибрировал мобильник. Звонил Егор.

— Здравова, товарищ майор! — ворвался в ухо шумный, энергичный голос друга, сквозь который уже пробивалась музыка. — Ты там как, живой? От Маришки не отрываю?

— Нет, — глухо отозвался я.

— Во, отлично! Тогда ноги в руки и дуй в наш паб на углу. Пятница горит, Басманов! Грех дома киснуть, когда бармен уже стаканы натирает. Давай, подтягивайся, накатим по-офицерски. Первая стопка с меня, отказы не принимаются!

Я усмехнулся.

— Через двадцать минут буду.

— Китель сменить не забудь, а то всех девчонок тут мне распугаешь, — гоготнул в трубку Егор.

Я сунул телефон в карман и быстро стянул рубашку, всё ещё хранившую приторный запах чужого парфюма.

Сегодня мне просто нужно было напиться до беспамятства.

Глава 8. Вечер перестал быть томным

Денис

— Женишься? На дочке Крылова?

Возглас Егора прозвучал так громко, что на секунду перекрыл даже долбящую по ушам музыку.

Друг замер с бокалом пива на полпути к рту, уставившись на меня так, словно у меня на лбу только что выросли рога.

— Ты сбрендил, Басманов? — прохрипел он, наконец опустив бокал на стойку с глухим стуком. — Дочь того самого Крылова, которого твой старик... Ну ты даешь! Это же... это же дикость какая-то! Вы же враги по определению!

— Тормози, Егор, — оборвал я его. — Никакие мы не враги. Обычная сделка. Ей нужны деньги, мне — Пекин. Не делай из этого драму.

Я снова подозвал бармена и молча указал на пустую стопку. Алкоголь уже начал приятно туманить мозг, но до полного беспамятства было еще далеко. А мне сейчас жизненно необходимо было именно оно.

Егор смотрел на меня как то странно. Изучающе. Будто пытался что-то понять.

Мы были знакомы еще с суворовского, но после выпуска наши пути разошлись. У меня выбора не было, отец всё расписал на десять лет вперед, жестко задвинув меня по своей линии прямиком в Генштаб. А Егор ушел в ФСБ,

И сейчас этот его профессиональный фсбэшный взгляд буквально буравил меня насквозь.

— И как она? — наконец спросил он, медленно проводя пальцем по кромке бокала. — Согласилась добровольно?

Я криво усмехнулся.

— Ещё бы нет. Миллион за то, чтобы пару лет поиграть в покорную жену, да пожить на всем готовом за границей. От такого не отказываются.

Егор бросил на меня быстрый взгляд и тут же его отвел, сосредоточенно изучая пену в своем бокале.

— Миллион, значит... — протянул он, словно прикидывая что-то в уме. — Слушай, а твой старик... он вообще как к этому пришел? Ну, к кандидатуре именно Крыловой?

Я пожал плечами, не замечая, как Егор внимательно ловит каждое мое движение.

— Без понятия. Сказал, что нашел оптимальный вариант, который устроит всех.

— А тебе-то это зачем, Дэн? Ты же не мальчик, в конце концов, чтоб тебе жену подбирал отец. Да вон той же Маринке предложил бы поехать, уверен, она бы не отказалась.

Я хмыкнул.

— Марина? Она из клубов не вылезает, Егор. Ты ее в роли жены дипломата представляешь? Она через неделю в Пекине взвост от скуки и устроит международный скандал, просто чтобы на нее обратили внимание. Про манеры и образование вообще молчу. Ей нужны вспышки камер, а не протокольные ужины.

Залпом допив виски, я поставил пустой стакан на стойку.

— Ты знаешь моего отца, Егор. В нашей семье приказы не обсуждаются. Пекин — это мой билет в высшую лигу, и без «правильной» жены я туда не поеду. А Крылова, несмотря на свою фамилию, прекрасно вписывается. МГИМО, три языка, знает протокол. Тихая, послушная, рот лишний раз не откроет.

Говорю все правильно, а самому внезапно становится тошно.

— Ладно, Дэн, дело твоё — Егор хлопнул меня по плечу. — Но раз ты женишься, значит у нас мальчишник. О, а вот и нимфы нам на вечер. Эй, девчонки!

Он поманил рукой двух стоящих неподалеку девушек.

— Присоединитесь к нашей скромной компании? У нас есть прекрасный повод выпить на брудершафт, но не с кем.

Девчонки весело засмеялись, тут же попав в сети обаяния моего друга. Одна из них, симпатичная блондинка в коротком платье, тут же скользнула на высокий табурет рядом со мной.

— Привет, угрюмый красавчик. Чего празднуем? — промурлыкала она, обдавая меня ароматом сладких духов.

— Проводы, — буркнул я, не глядя на нее.

Егор уже вовсю травил какие-то байки её подруге, и та заливалась тонким нарочитым смехом.

Я повернулся к бармену.

— Повтори мне. И даме что-нибудь на свой вкус.

Бармен кивнул, принявшись ловко жонглировать шейкером.

Блондинка что-то щебетала, периодически прикасаясь тонкими пальцами к моему локтю и явно надеясь на продолжение банкета.

Я вяло отвечал ей, лениво прикидывая: может, и правда закончить вечер с ней в кровати? Хотя какой тогда был смысл выставять Марину? Та, по крайней мере, знала свое дело и не задавала лишних вопросов.

Я уже почти решился кивнуть ей и заказать такси, как вдруг мой взгляд зацепился за отражение в зеркале за барной стойкой.

В дальнем углу зала, в полумраке за угловым столиком, сидела Вера.

Сначала я не поверил. Моргнул, греша на крепость виски.

Но нет, это была она. В простом белом свитере, с небрежно собранными волосами. Напротив неё сидел какой-то парень и что-то увлеченно рассказывал.

И тут она рассмеялась. Заливисто, откинув голову назад, так что в свете софитов блеснула тонкая шея. Ее лицо преобразилось, глаза сияли, на щеках горел живой румянец.

Все три раза, что мы виделись, она была как восковая фигура. Затравленная, колючая, с вечно поджатыми в линию губами. Я был уверен, что она вообще не умеет улыбаться.

Внутри внезапно вспыхнуло странное, злое чувство. словно меня только что обсчитали в очень дорогом ресторане.

Она продала мне два года своей жизни за миллион, а сама сидит здесь и весело хохочет с каким-то придурком?

Я резко поднялся, едва не опрокинув барный стул.

— Эй, красавчик, ты куда? Мы же еще не договорили! — удивленно протянула блондинка, замирая с занесенным над коктейлем бокалом.

Егор тоже вскинул голову, мгновенно отследив мой бешеный взгляд вглубь зала. Он что-то крикнул мне вдогонку, но я уже не слышал.

Я шел напролом через танцпол, не замечая толкнувших меня парней, и с каждым шагом мое раздражение перерастало в чистую, неконтролируемую ярость.

Дорогие друзья! Приглашаю вас в мой телеграм канал!

t.me/mayazemtsova

Там будет больше артов и огненные видео к главам! ##



Глава 9. Неожиданная встреча

Вера

Танька позвонила мне в пятницу вечером и настойчиво уговаривала пойти с ними в какой-то танцевальный паб.

— Давай, Верунчик, чего тебе дома тухнуть? Сходишь, развеешься. Мы с Олегом тебя домой отвезём.

— Да ну, Тань, какие танцы. Сама знаешь, я вся на нервах из-за отца. В понедельник ему предстоит шестичасовая операция, а я даже в больнице присутствовать не смогу.

В горле встал привычный комок.

— Вот именно поэтому тебе нужно выдохнуть! — не сдавалась сестра. — Ты всю неделю как тень. Олег уже столик заказал, он тоже за тебя переживает. Просто посидим, послушаем музыку. Пожалуйста, Вер.

Я сдалась. Наверное, просто не было сил спорить. Натянула первый попавшийся свитер, кое-как собрала волосы и поехала.

Паб оказался весьма симпатичным местом в типичном ирландском стиле.

— Урра! Ты пришла!

Танька расцеловала меня в обе щёки и усадила за стол, где уже сидел Олег, её парень. Он чмокнул меня в щёку и поставил передо мной бокал с бордовым напитком.

— Ты просто обязана попробовать это вишнёвое пиво. Алкоголя в нём почти нет, а на вкус как лимонад. Танюшка уже два опрокинула. Скоро в пляс пустится.

— Да ну тебя, — Танька со смехом стукнула его по плечу. — Сейчас вместе с Верой пойдём.

— Ой, нет, я точно пас.

— Отказ не принимается! Но так уж быть, дам тебе полчасика на разогрев. Ладно, я в туалет, скоро вернусь. Не скучайте тут!

Танька упорхнула, а я пригубила свой бокал. Пиво и правда было очень вкусным и лёгким.

— Ну, как ты сама? — Олег негромко спросил, когда мы остались вдвоём. — Держись?

— Стараюсь, Олег. Просто жду понедельника, — я прикрыла глаза, чувствуя, как прохладный напиток приятно расслабляет зажатые мышцы.

Олег понимающе кивнул и, не желая давить на больное, перевёл тему на свои будни в сервисе.

— Слушай, у меня вчера вообще цирк был, — Олег усмехнулся, придвигаясь ближе. — Приезжает мужик, злой, требует перебрать всю ходовую. Мол, гремит на каждой кочке так, что уши закладывает, переделывай всё по гарантии! Я полдня машину на подъёмнике мучаю — всё в идеале. Выезжаем на проверку, захожу в первый же поворот, и правда, отчётливое такое «бам!». Я по тормозам, руку под его пассажирское сиденье засовываю... и вытягиваю полную литровую бутылку минералки. Стекланную. Она там, оказывается, неделю между салазок каталась и на каждом манёвре в каркас лупила. Мужик побагровел и чуть не лопнул. Буркнул «спасибо» и умотал в закат, даже не попрощавшись.

История была такой нелепой и жизненной, что меня внезапно прорвало.

Я смеялась заливисто и искренне, вытирая проступившие слёзы, и впервые за долгие недели железная пружина переживаний в моей груди чуть разжалась.

Пиво в бокале кончилось. Олег щёлкнул пальцами официанту, жестом передавая просьбу повторить, и через мгновение передо мной уже стоял полный бокал с яркой бордовой пеной. Я потянулась к нему, всё ещё улыбаясь своим мыслям.

— Смотрю, моя невеста не скучает, — внезапно раздался над головой холодный голос. Я замерла с бокалом в руке, затем медленно повернула голову.

Над нами, сжимая кулаки так, что побелели костяшки, стоял Денис Басманов. Его глаза, которые я привыкла видеть холодными и безразличными, сейчас горели таким бешеным, тёмным огнём, что у меня перехватило дыхание.

— Денис? — выдохнула я, чувствуя, как по спине поползли липкие мурашки. — Что ты здесь делаешь?

— Скорее, что ты здесь делаешь? И кто это с тобой?

Взгляд Дениса полоснул по Олегу с такой неприязнью, будто тот был грязью на его дорогом ботинке.

Я внезапно пришла в себя. Гнев внутри начал вытеснять страх. Почему я вообще его боюсь? Он мне никто. Пока что.

— Это тебя не касается, Денис.

— Ещё как касается, Вера, — прорычал он. Было видно, что он с трудом сдерживается.

Я искренне не понимала, отчего он так разозлился. Мы ведь едва знакомы, у нас деловая сделка, а он ведёт себя так, будто застал меня за изменой.

— Ты идёшь со мной, — скомандовал он, хватая меня за руку. — Я отвезу тебя домой.

— Эй, мужик, руки убрал! — Олег вскочил, накрыв ладонью пальцы Дениса, сжимающие моё предплечье. — Ты полегче. Она с нами, и никуда...

Договорить он не успел. Басманов среагировал мгновенно, с пугающей армейской чёткостью. Одним коротким, выверенным движением он перехватил кисть Олега и вывернул её на болевой приём, впечатывая парня лицом в спинку дивана.

— Денис, стой! Отпусти его! — вскрикнула я, видя, как побелел от боли Олег. К нам уже бежала перепуганная Танька. — Успокойся, я пойду с тобой! Слышишь? Пойду!

Басманов разжал пальцы не сразу. Наконец он отпустил Олега, глядя на него так, будто перед ним был не человек, а досадная помеха.

К нам подошёл симпатичный светловолосый мужчина и по-свойски положил Басманову руку на плечо.

— Дэн, всё в порядке? — голос у него оказался низким, ровным, без единой лишней эмоции.

Басманов дернул плечом, сбрасывая его руку, но как-то беззлобно.

— Да. Егор, не лезь.

Светловолосый окинул меня внимательным, изучающим взглядом. Глаза у него были пронзительно-серые, холодные и цепкие, как у породистого волка. Он не просто смотрел, а словно сканировал, за секунду подмечая и запоминая всё. Принадлежность к серьёзным силовым структурам была видна сразу, на уровне инстинктов.

— На выход. Живо, — бросил мне Басманов тоном, не терпящим возражений.

Танька с тревогой посмотрела на меня.

— Всё в порядке, Тань, — шепнула я ей, забирая сумку и пальто. — Я тебе позвоню.

Денис потащил меня к выходу. У входа стояли несколько такси, он открыл заднюю дверь ближайшего и посадил меня внутрь, сам сел рядом.

— Проспект Ленина, 40, — бросил он таксисту.

Я потёрла руку, надеясь, что там не останется следов от его хватки, затем развернулась к нему.

— Ты совсем с ума сошёл? Что ты себе позволяешь? Это был парень моей сестры!

— Мне плевать, кто он, — рявкнул Денис. — У нас роспись через две недели. И от тебя требуется достойное поведение. Мне нужна нормальная жена, а не шалава, которая шатается по барам с мужиками. Ты должна привыкнуть к мысли, что ты жена офицера Генштаба,

— Ты... ты...

Я отвернулась от него, с трудом сдерживая злые слёзы. Самодур грёбанный. Господи, что же меня ждёт в эти два года.

До моего дома мы оба не произнесли ни слова. Он довёл меня до двери, я зашла внутрь и хотела захлопнуть дверь перед его носом, но он подставил руку.

— Завтра в восемь вечера я за тобой приеду, — отчеканил он. — Собери вещи. Ты переезжаешь ко мне. Это не обсуждается.

— Что? Нет! Я не буду жить с тобой в одной квартире! Мне... надо кормить кошку! — я выпалила первое, что пришло в голову, чувствуя, как внутри всё дрожит от несправедливости.

— Заберёшь её с собой. И ещё, — он вдруг перехватил мою левую руку, грубо рассматривая голые пальцы. — Где кольцо? Почему ты его не носишь?

— Я забыла его надеть. И вообще-то оно обручальное, а мы ещё не женаты, — пролепетала я, пытаюсь высвободиться, но хватка была железной.

Денис опасно приблизился, вжимая меня в холодную стену рядом с дверью моей квартиры.

От него пахло терпким виски и каким-то холодным, мужским парфюмом, который дурманил голову против воли.

Его горячее дыхание обожгло мои губы, когда он склонился ниже, почти задевая своим лицом моё. Его глаза казались чёрными провалами, в которых полыхал неконтролируемый огонь. Я затаила дыхание. Кожа в месте, где его пальцы сжимали мою кисть, внезапно вспыхнула, и этот жар стремительно потёк выше, по венам, отзываясь странным, пугающим трепетом внизу живота. Я ненавидела его в эту секунду каждой клеткой своего тела, но предательское тепло разливалось внутри, заставляя сердце биться в сумасшедшем ритме.

— Никогда не смей выходить без него из дома, — Денис буквально выплюнул эти слова, прожигая меня взглядом, и на мгновение его взор задержался на моих губах. — До завтра.

Я вырвала руку, едва сдерживая слёзы ярости.

— Ненавижу тебя! Ненавижу твоего отца и всю вашу семейку!

Дверь захлопнулась с такой силой, что соседи наверняка завтра накатают жалобу, но мне было всё равно.

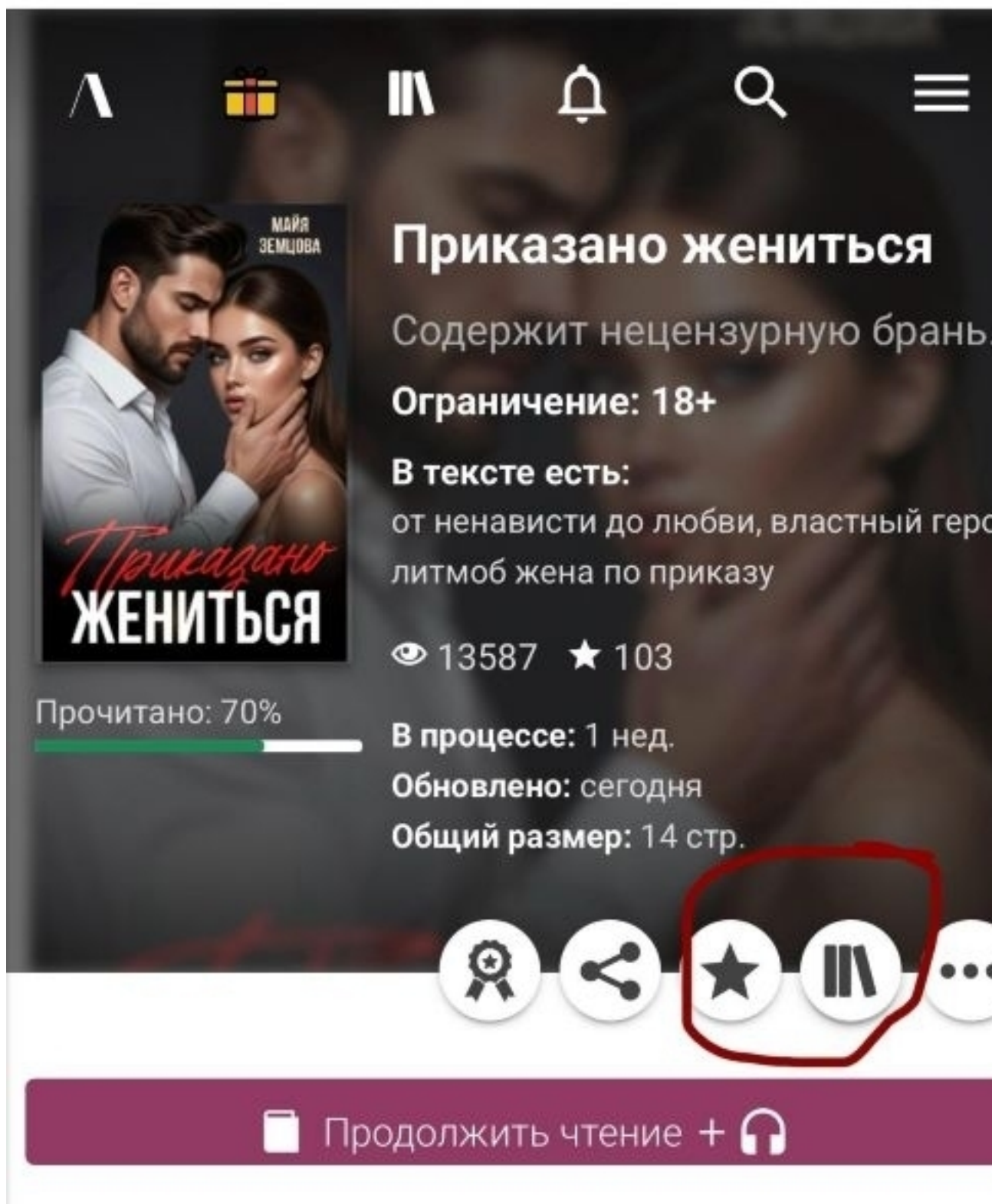
Я зашла в ванную, включила воду, чтобы не слышать собственного всхлипа, и опустилась на холодный кафель. Обхватив колени руками, я зарыдала горько, навзрыд.

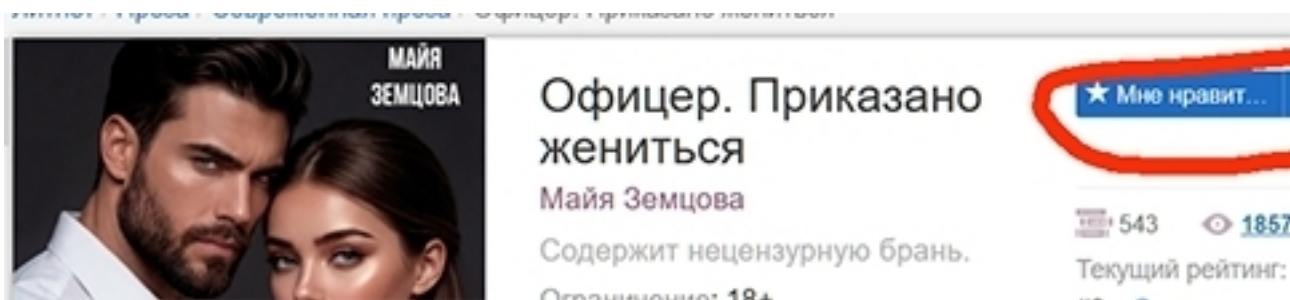
Отец болен, сидит в тюрьме, а человек, ставший моим единственным шансом на спасение, презирает и ненавидит меня так сильно, что это физически больно.

Моя жизнь превратилась в ад, за который мне просто заплатили миллион.

Дорогие друзья! Если вам нравится книга, не забывайте ставить "мне нравится", это поднимает рейтинг книги и помогает продвижению! ##

И обязательно добавляйте в библиотеку! Дальше будет горячее.





Глава 10. Переезд

Вера

Утро началось с головной боли и неприятных воспоминаний.

Чёртов Денис Басманов. Откуда эти собственнические порывы? Почему он так груб со мной?

Я сама выросла в военной семье, но отношения у отца с матерью были очень нежные. До сих пор помню, как мама встречала папу после очередной долгой командировки. Её глаза светились от счастья, а папа всегда дарил ей букет цветов по возвращении. Белые лилии. Этот запах до сих пор ассоциируется у меня с любовью.

Сложно представить, чтобы Басманов подарил мне цветы. Скорее заставит отжиматься десять раз.

Ладно, жалеть себя делу не поможет. Надо пойти покормить Пончика.

Огромный рыжий кот встретил меня недовольным мяуканьем. Как и все кошачьи, он был уверен, что люди созданы прислуживать ему. Время завтрака уже давно настало, а миска пустая. Что о себе возомнила эта наглая человечка?

— Да, да, уже несусь, Ваше Высочество.

Я насыпала ему корм и погладила пушистую спинку. Кот милостиво замурчал.

Быстро подметя пол на кухне, я сделала себе чашку чая и села на подоконник. Пончик прыгнул мне на колени и свернулся калачиком.

— Знаешь, Пончик, а я выхожу замуж. Совсем скоро.

Пончик мурчал, приподнимая голову, когда я гладила его за ушком.

— Мой жених — жуткий самодур, представляешь? Решил, что если заплатил, то я теперь его личная вещь.

Пончик сочувственно мяукнул, уткнувшись лбом мне в руку. Жаловаться коту было легче, чем людям.

В кармане зазвонил телефон, испугав Пончика, который тут же спрыгнул на пол. Я посмотрела на экран. Танька. Сейчас начнётся...

— Вера, ну и тип этот твой Басманов! У Олега рука до сих пор ноет, он его так заломил, что кости хрустнули. Слушай, ты точно уверена? Может, ну его? Он же опасный, настоящий зверь.

— Тань, ты же знаешь, у меня нет выбора, — я сжала телефон до белых костяшек. — Операция в понедельник, всё оплачено. Я не могу сейчас дать заднюю. Прости за Олега, я не думала, что всё так обернётся.

— Если бы дядя Боря это увидел, он бы по стене его размазал.

— Тань...

— Да понимаю я всё. Но никак не могу успокоиться. Переживаю за тебя. А в Пекине вы вообще там одни будете. А если он тебя придушит?

— Всё будет хорошо, Танюш, не переживай. Передавай Олегу привет и мои извинения ещё раз. Целую вас.

Положив трубку, я прислонилась лбом к холодному оконному стеклу. Больше всего меня пугало то, что я продолжала кожей чувствовать эхо вчерашнего момента: то, как он прижал меня к стене, его пугающую близость и этот тёмный, бешеный взгляд, от которого до сих пор предательски ныло внизу живота.

Впервые я всерьёз задумалась, как мы будем жить в Пекине. Денис — молодой, властный мужчина, который явно не привык к воздержанию. Я для него сейчас не более чем купленная вещь. Но он будущий пресс-атташе, публичная фигура. Он не сможет открыто водить любов-

ниц, любой скандал разрушит ту самую идеальную картинку, ради которой он вообще затеял этот фиктивный брак. Значит, ему придётся тщательно их прятать? Или...

От внезапной догадки по спине пробежал ледяной холодок, а желудок нервно сжался. Или в его понимании контракт покрывает вообще все супружеские обязанности?

Возмутительные слова генерала о раздвинутых ногах, которые я тогда сочла просто грязной попыткой унижить, теперь внезапно обретали новый, пугающий смысл.

Хотя... я вряд ли вообще нравлюсь Денису. Он всем своим видом показывает, как сильно я его раздражаю. Но стоило вспомнить вчерашний тяжёлый, потемневший взгляд, задержавшийся на моих губах, как во рту предательски пересыхало, а сердце пропускало удар.

Его слова про переезд я не восприняла всерьёз. Наверняка это была просто очередная попытка подавить меня, пустая угроза, брошенная в запале ссоры. В конце концов, мы ещё даже не расписались официально, а до вылета в Пекин оставалась куча времени. Зачем ему я в его холостяцкой берлоге прямо сейчас? Чтобы лишний раз действовать друг другу на нервы?

День прошёл в бытовых хлопотах, а на ужин я решила шикануть и заказала себе пиццу. В жизни нужны маленькие радости, иначе совсем чокнешься.

Я уже предвкушала, как устроюсь на диване с коробкой и включу какой-нибудь дурацкий сериал, когда в домофон позвонили. Слишком рано для пиццы.

Сердце ухнуло к пяткам. Я подошла к трубке, всё ещё надеясь, что это курьер, но услышала знакомый низкий голос, от которого по спине пробежал холодок:

— Спускайся. Я внизу.

— Денис? — я вцепилась в трубку. — Я же сказала, что никуда не поеду! У меня вещи не собраны, и вообще...

— Вера, — перебил он, и в его голосе прозвучал опасный металл. — Мне самому подняться и собрать тебя? Или ты всё-таки проявишь благоразумие и выйдешь через десять минут? Поверь, если я найду, ты уедешь в том, в чём стоишь.

— Я запру дверь и вызову полицию, — зло бросила я. — До официальной росписи ты мне никто.

Я бросила трубку, с трудом сдерживая дрожь. В ушах всё ещё звенел его стальной голос. Полиция? Кого я обманываю? Приедет наряд, увидит под окнами чёрный внедорожник сына генерала Басманова, и через пять минут они будут вежливо пожимать ему руку, пока он будет «забирать свою невесту домой».

Я выглянула в окно. Денис не ушёл. Он стоял у машины, прислонившись к капоту, и смотрел прямо на мои окна. Свет фонаря подчёркивал его застывшую, хищную позу. Он не собирался отступать.

Вот я попала, блин. Захотелось резко пойти в соседнюю квартиру и прижать к себе Пончика.

Раздался звонок, на этот раз в саму дверь квартиры. В животе ёкнуло. Он уже поднялся? Неужели действительно выломает дверь?

— Кто? — крикнула я, подходя к глазку. Голос предательски сорвался.

— Доставка пиццы! — донеслось из-за двери.

Я облегчённо выдохнула. Господи, всего лишь курьер. Я защёлкала замком, распахнула дверь и замерла. На лестничной клетке стоял паренёк в фирменной кепке с горячей коробкой в руках, а прямо за его спиной, заполняя собой всё пространство коридора, возвышался Денис.

Он стоял, небрежно сунув руки в карманы дорогих брюк, и смотрел на меня сверху вниз с ледяным прищуром.

— С вас восемьсот пятьдесят рублей, — пробормотал курьер, явно чувствуя исходящую от Басманова тяжёлую энергию.

Я засуетилась, пытаюсь найти кошелек, но Денис молча протянул парню тысячную купюру.

— Сдачи не надо. Свободен.

Паренёк испарился в мгновение ока. Денис перехватил у него коробку, сделал шаг вперёд, вынуждая меня отступить вглубь прихожей, и вошёл в квартиру, по-хозяйски прикрыв за собой дверь.

— Пицца? — он скептически окинул взглядом коробку и поставил её на тумбочку для обуви. — Будешь есть в дороге. У тебя осталось три минуты, Вера.

— Ты... ты не имеешь права! — я задыхалась от его наглости. — Я вызову полицию.

— Вызывай, — спокойно разрешил он, и в его глазах блеснул опасный азарт. — Пока они будут ехать, я успею упаковать тебя вместе с твоим чемоданом. Ты же не хочешь, чтобы завтра весь подъезд обсуждал, как тебя выносили из дома на плече?

Я смотрела в его непроницаемое лицо и понимала: он это сделает. Ему плевать на мои крики и протесты. Чёрт, придётся ехать.

— Возьму с собой кота, — злобно сказала ему я, втайне мечтая, чтобы Пончик нагадил ему во все ботинки.

— Твоё право, — бросил он, даже не поведя бровью. — Только быстро.

Я принялась метаться по квартире, стараясь не расплакаться от бессилия. В чемодан полетели джинсы, пара свитеров, бельё, ноутбук и зарядка. В конце концов, я всегда смогу заехать забрать необходимое, не в тюрьму же он меня сажает.

Пончик был совсем не в восторге от перспективы переезда. Пришлось побегать за ним, пока я наконец не запихнула его сопротивляющуюся рыжую задницу в переноску. Быстро побросала в пакет корм и всё остальное.

Вернувшись в прихожую, я увидела Дениса, который стоял, прислонившись к дверному косяку, и с непроницаемым видом листал что-то в телефоне.

— Держи. Я всё не унесу.

С мстительным наслаждением я всучила ему пластиковый лоток и пакет с тяжёлым древесным наполнителем. Денис на секунду замер, глядя на этот сомнительный багаж в своих руках. Его дорогое кашемировое пальто и лоток для кота смотрелись вместе так же нелепо, как и наш брак.

Я обулась и с грустью посмотрела на остывшую пиццу. Оставлять её здесь было жалко, в конце концов, это был мой единственный за день просвет.

— Я готова, — буркнула я, решительно подхватывая коробку. Затем растерянно посмотрела на чемодан и переноску, прикидывая, как унести все три вещи за один заход.

Басманов молча выхватил ручку чемодана, легко, словно тот был набит пухом, а не моими вещами, и первым вышел на лестничную клетку.

Я подхватила переноску с Пончиком, который уже начал издавать звуки, похожие на работу неисправного двигателя, и заперла дверь. Прощай, моя любимая квартира. Стало невыносимо грустно.

— Шевелись, — раздался оклик Басманова.

Я вздохнула и поплелась к лифту.

Дорогие друзья! Приглашаю вас в мой телеграм канал, там будут арты и видео, розыгрыши и многое другое! ##

t.me/mayazemtsova

Глава 11. Новоселье

Квартира у Басманова оказалась просторной и светлой. Кухня была совмещена с гостиной в американском стиле, а пространство разделяла огромная барная стойка из тёмного дерева.

Современно и дорого, но не очень уютно. Здесь не было ни брошенной на диван подушки, ни грязной чашки в раковине. Чисто мужское логово, где у каждого предмета было своё место. Панорамные окна в пол только добавляли этому месту сходства с какой-то элитной выставкой мебели.

— Проходи, — сухо бросил Денис, ставя мой чемодан и кошачий лоток у входа.

Пакет с наполнителем рядом с его дизайнерской банкеткой смотрелся по меньшей мере странно. Денис повесил пальто на вешалку, оставшись в простом чёрном джемпере, облегающем его мышцы. В этом закрытом, сугубо мужском пространстве его присутствие ощущалось ещё острее.

Из гостиной в коридор вели три двери, две из них были плотно закрыты.

— Твоя комната вторая по коридору, — он кивнул в сторону одной из дверей. — Там есть всё необходимое. Кота забирай с собой, чтобы он по дому не бегал. Кстати, надолго он у тебя? Это же не твой, как я понимаю.

— Это кот моей соседки Марьи Петровны. Она вернётся через две недели.

— Вот и хорошо. Следи, чтобы не поцарапал мебель.

Выделенная мне спальня была обставлена в таком же стиле дорогого минимализма, как и вся квартира. Я разложила свои вещи, выпустила Пончика, который настороженно принюхивался, привыкая к новому пространству.

— Осторожнее, Пончик, тут у нас зона строгого режима, — сказала я, наблюдая, как кот на полусогнутых лапах исследует безупречно чистый ворс ковролина. — Шаг вправо, шаг влево — расстрел на месте. И не вздумай даже дышать в сторону его дизайнерских занавесок.

Я вздохнула, присела на край идеально застеленной постели и открыла коробку с пиццей. Запах чеснока и подсохшего сыра моментально заполнил стерильное пространство спальни. Наверняка Басманов сейчас там, за стеной, уже морщит свой аристократический нос, представляя, как молекулы моего дешёвого ужина впитываются в его дорогую отделку.

Да ну и пусть. Есть хочется, а выходить к нему в эту огромную гостиную желания нет.

Проснувшись, я не сразу поняла, где нахожусь. Незнакомые обои, мебель другая. И уютное мурчание Пончика под боком.

Выходить из своей крепости было боязно, но желудок настойчиво требовал еды. В огромной гостиной было тихо, только из глубины квартиры доносился приглушённый шум воды.

Из продуктов у него был самый минимальный набор, но в шкафчике каким-то чудом затесалась мука. Я решила сделать оладьи.

Шум воды в ванной стих, но я, увлечённая процессом переворачивания очередной партии, не обратила на это внимания.

— Доброе утро, — раздался за спиной низкий, чуть хриплый голос.

Я вздрогнула так, что сковородка звякнула о плиту, и резко обернулась.

Денис стоял в дверном проёме, прислонившись плечом к косяку. Мокрые тёмные волосы зачёсаны назад, лицо чисто выбрито, а на плече белое полотенце. На нём были только серые спортивные штаны, низко сидящие на бёдрах. И больше ничего.

Я замерла с лопаткой в руке, чувствуя, как лицо моментально заливают краской. Одно дело догадываться, что за безупречным кителем и выправкой офицера кроется отличная физическая форма, и совсем другое — видеть это вот так, в паре шагов от себя. Широкие плечи,

рельефные грудные мышцы, кубики пресса, прорисованные так чётко, будто их ваял скульптор. Кожа была ещё влажной и поблёскивала в лучах солнечного света от окна. Взгляд помимо воли скользнул вниз, по дорожке тёмных волос, уходящей от пупка под резинку штанов.

Сердце предательски ухнуло куда-то вниз, а в животе стало горячо. Басманов был чертовски хорош собой. Какой-то породистой, хищной красотой, которая пугала и будоражила одновременно.

Денис, кажется, моей заминки даже не заметил. Он прошёл к столу, по-хозяйски отодвинул стул и сел, бросив полотенце на спинку.

— Олады? — он скептически выгнул бровь, глядя на горку золотистых кружочков. — Не ожидал.

Я наконец обрела дар речи и поспешила отвернуться к плите, чтобы скрыть смущение.

— Почему? Это же просто олады, — буркнула я, стараясь, чтобы голос не дрожал.

— Ну как же, — в его голосе проскользнула лёгкая, почти незаметная усмешка. — Генеральская дочка, привыкшая к прислуге и ресторанам. Думал, ты максимум умеешь заваривать чай в пакетике.

Он взял одну оладью прямо руками, без вилки, и отправил в рот. Я затаила дыхание, ожидая критики.

— Вкусно, — коротко бросил он, прожевав, и потянулся за второй. Это было высшей похвалой из его уст.

— И, кстати, у нас никогда не было прислуги, — сказала я. — Поможешь с кофе? Я не разобралась с твоей кофемашиной.

Денис подошёл ближе, и жар, исходящий от его тела, опалил меня сильнее, чем раскалённая плита.

В воздухе мгновенно смешались ароматы морского геля для душа и его горьковатого парфюма.

— Смотри, — его голос, низкий и вибрирующий, прозвучал прямо над моим ухом, заставляя мелкие мурашки рассыпаться по позвоночнику.

Он не коснулся меня, но я кожей чувствовала близость его груди. Его рука, всё ещё влажная и покрытая сетью вздувшихся вен, прошла в сантиметре от моего плеча, когда он нажал на сенсорную панель кофемашины.

— Сначала выбираешь крепость. Я пью двойной эспрессо. Без сахара и прочей ерунды, — он нажал кнопку, и кухня наполнилась густым, терпким ароматом зёрен.

Я стояла, боясь пошевелиться, заворожённо глядя на его пальцы, длинные, с чёткими линиями сухожилий под кожей и выступающими костяшками.

— Запомнила? — он чуть повернул голову ко мне.

Я с трудом сглотнула, чувствуя, как внутри всё напряглось от его близости.

— Денис, оденься, пожалуйста, — выдавила я, стараясь, чтобы голос звучал твёрдо, а не испуганно. — Мне неловко находиться на кухне с обнажённым незнакомым мужчиной.

Басманов на секунду замер, а потом в его глазах блеснула откровенная насмешка. Он чуть отстранился, рассматривая меня с таким видом, будто я только что сморозила несусветную глупость.

— Неловко? — он коротко усмехнулся, и в этой усмешке было столько снисходительного превосходства, что мне захотелось его ударить. — Вера, мы через две недели поженимся. Тебе стоит начать привыкать к виду собственного мужа. Тем более, не думаю, что я первый мужчина, которого ты видишь без рубашки.

Он явно забавлялся, даже не подозревая, насколько он далёк от истины.

— И всё же прошу тебя...

Он хмыкнул, но всё-таки вышел из кухни, вернувшись через пару минут уже в футболке. Я как раз сварила кофе и накрыла на стол. На какое-то мгновение эта тихая сцена создала

уютную иллюзию нормального воскресного завтрака. Иллюзию, которую Басманов тут же безжалостно разрушил.

— Если у вас не было прислуги, на что же твой отец тратил украденные миллионы?

Это было хуже пощёчины. Чашка в моих руках дрогнула, и горячий кофе едва не выплеснулся на стол. Кровь бросилась в лицо, обжигая щёки жгучим, невыносимым стыдом.

Я медленно поставила чашку на блюдце. Аппетит пропал окончательно.

— Я не знаю, — тихо, но твёрдо ответила я, глядя ему прямо в глаза. — Мы всегда жили только на его зарплату.

— Ну разумеется, — протянул он с ледяной иронией. — Святое семейство. Невинные мученики, перебивающиеся от получки до получки. А миллионы со счетов министерства, видимо, просто испарились в воздухе из-за плохой погоды.

— Я знаю, что ты думаешь, я слышала приговор. Но я не верю, что мой отец действительно коррупционер и предатель Родины. Он... он просто не мог. Он не такой.

Я изо всех сил сдерживала слёзы, не желая показывать перед ним свою слабость.

Денис невозмутимо взял свою чашку и сделал неторопливый глоток, не сводя с меня тёмного, подавляющего взгляда.

— Вера, ради бога, оставь эти сказки для журналистов и платных адвокатов. Твой отец погорел на банальной жадности. Если ты была слепа или он так умело прятал от тебя деньги — это ваши семейные драмы. Но из меня идиота делать не надо.

Я до боли сжала губы, чтобы не сорваться. Спорить с ним было бесполезно. Для всех них мы навсегда останемся преступниками.

Взяв свою чашку, я молча поднялась из-за стола и подошла к раковине. Включила воду, тщательно вымыла посуду, спиной физически ощущая его тяжёлый, немигающий взгляд. Я не произнесла ни слова. Просто насухо вытерла руки полотенцем, развернулась и вышла из кухни, оставив Басманова в одиночестве допивать этот проклятый кофе.

Но стоило мне переступить порог своей комнаты и закрыть дверь, как последние остатки выдержки рухнули. Пончик, дремавший на покрывале, вопросительно муркнул и потянулся навстречу. Я опустилась на кровать, сгребла тёплого кота в охапку, зарывшись лицом в его густую рыжую шерсть, и, наконец, дала волю эмоциям, заливаясь горькими, отчаянными слезами.

Спустя некоторое время раздался стук в дверь.

— Я на тренировку. Твоя связка ключей на столе.

— Хорошо, — буркнула я, прижимая к себе Пончика.

Пусть катится, да подольше не возвращается.

Визуализация к главе

Денис без бороды (но с бородой всё таки лучше, да? ##)



Вера с Пончиком



Глава 12. Тренировка

Денис

Воздух в спортзале был тяжелым от запаха пота и адреналина. Глухой, ритмичный стук боксерских перчаток эхом разносился по пустому помещению.

Я сделал резкий выпад и провел жесткую двойку, заставив Егора уйти в глухую оборону и отшатнуться к самым канатам.

— Воу, полегче, командир! — выдохнул Егор, опуская руки и стряхивая пот со лба. — Мы спаррингуем, а не на смерть бьемся. Ты сегодня какой-то бешеный. Кого представляешь на моем месте?

Я тяжело выдохнул, выплюнул капю и подошел к скамейке, чтобы взять бутылку с водой. Перед глазами всё ещё стояла Вера. Её побледневшее лицо, дрожащие губы и эта прямая, гордая спина, когда она молча мыла чашку.

Я искренне не понимал, почему её отчаяние так сильно бьет по моим собственным нервам. Она ведь дочь преступника. С чего вдруг это мерзкое, царапающее чувство вины?

— Никого, — коротко бросил я, делая жадный глоток ледяной воды. — Просто нужно сбросить пар.

Егор усмехнулся, опираясь спиной о канаты ринга и стягивая перчатки.

— Фиктивная семейная жизнь оказалась не такой уж безоблачной? Кстати, когда вы отчаливаете в Пекин? Отцу же вроде не терпится спроводить вас с глаз долой.

— Через полтора месяца, — мрачно отозвался я, швырнув влажное полотенце на скамейку.

— Полтора месяца, — повторил Егор, прищурившись. — Долгий срок, чтобы жить в соседних спальнях. Или вы уже перешли на новый уровень «сотрудничества»?

Я резко обернулся, и в глазах, уверен, полыхнуло что-то такое, отчего Егор примирительно поднял ладони.

— Ладно, ладно, молчу. Чего ты сразу вскидываешься, как кобра. Я же шучу. Но, с другой стороны, а что, девчонка она симпатичная. Вы через две недели поженитесь. Хочешь сказать, в Пекине тоже будут отдельные спальни?

— Хочу сказать, что ты явно заскучал, Соколов. Раз у тебя остались силы на пустой треп, значит, я плохо тебя гонял. Пошли на второй круг.

Полчаса спустя мы закончили. Егор тяжело дышал, прислонившись к канатам, а я чувствовал, как по телу разливается приятная свинцовая усталость. Кулаки ныли, но в голове наконец-то стало чуть тише.

— Псих ты, Басманов, — прохрипел Егор, стаскивая перчатки. — Сходи к ней и уже сделай то, что так отчаянно пытался выбить из меня на ринге. Иначе ты до свадьбы не доживешь, инфаркт схватишь.

Я проигнорировал его выпад. В раздевалке было душно и пахло не особо приятно. Я молча сбросил пропотевшую майку, чувствуя, как мышцы спины и плеч приятно тянет после нагрузки. Ледяная вода в душе немного привела в чувство, но стоило мне закрыть глаза, как перед мысленным взором снова всплыла Вера.

— Пойдем выпьем кофе, — сказал Егор, вытирая голову. — Хотя тебе бы лучше заказать чай с мятой.

Мы сели за угловой столик в небольшом кафе при спорткомплексе. Официантка, миловидная брюнетка, тут же выросла рядом, стреляя в нас откровенно заинтересованным взглядом.

— Два американо и ваше сердце, милая девушка, — пустив в ход фирменное обаяние, пропел Егор. Та кокетливо захихикала, поправляя выбившуюся прядь.

Я усмехнулся.

— Куда тебе ещё, ты эти сердца коллекционируешь, что ли?

— Я, товарищ майор, инвестирую в прекрасное, — философски отозвался Егор, подмигнув девушке. — В отличие от некоторых без пяти минут женатых трудолюбов, я птица вольная. Неси кофе, красавица, пока мой хмурый друг не испортил тебе ауру своим тяжелым взглядом.

Официантка снова хихикнула и, стрельнув глазками напоследок, упорхнула к барной стойке.

— А ты чего такой колючий? — Егор с усмешкой посмотрел на меня. — Я думал, ты там уже всю вкушаешь прелести своего нового статуса. Девочка в полном твоём распоряжении.

Я поморщился, чувствуя, как внутри снова натягивается струна раздражения.

— Заткнись, а, — коротко бросил я. — Это просто сделка. Контракт. Она будет сидеть тихо и не отсвечивать на приемах, я — работать.

Егор деланно покивал, но в его глазах плясали смешинки.

— Смотри, Басманов, как бы эта «сделка» не обошлась тебе слишком дорого.

Когда принесли кофе и девушка ушла, Егор перестал улыбаться. Задумчиво покрутил чашку с горячим напитком.

— Слушай, Дэн, чисто профессиональный интерес... — он поднял на меня острый взгляд, тут же превратившись в фсбэшника. — Я тут краем глаза смотрел сводки по Крылову. Мужик гений. Спрятал полмиллиарда так, что наши до сих пор ни одного офшора не наскребли. А как вы ей отступные перевели? Финансовый мониторинг не возбудился, когда со счетов Басмановых ушел миллион дочери осужденного казнокрада?

Я сделал глоток обжигающего кофе.

— Всё официально, по безналу. Адвокаты провели это как авансовый платеж по брачному контракту. Никаких красных флагов. С её личных карт арест сняли еще полтора года назад, она по долгам отца не отвечает. Приставы к этим деньгам отношения не имеют.

— Официально. По безналу, — Егор медленно кивнул и коротко, цинично усмехнулся. — Жесткий мужик этот твой будущий тесть. Сидит на таких бабках, а дочку оставил с голым задом. Вынудил девчонку брать официальный перевод от семьи, которая его же дело и курировала. И ведь взяла.

Я нахмурился, чувствуя, как слова друга неприятно царапают слух.

— Ей нужны были деньги.

— Да это понятно, — Егор откинулся на спинку дивана, всем своим видом показывая, что тема для него — просто забавный казус. — Просто ирония, понимаешь? Где-то лежат полмиллиарда Крылова, а его дочь продает себя за один жалкий миллион. Либо Крылов жадная тварь, либо... одно из двух. Ладно, проехали. Так что там с Пекином? Визы уже в паспортах?

Егор легко перескочил на другую тему, но его слова неприятно резанули по нервам. Я машинально отвечал на вопросы про командировку, а в голове билась одна и та же чертова мысль. Зачем ей так понадобился этот миллион?

Имущество и счета отца конфисковали, да. Но у Веры осталась её собственная крошечная однушка, которую Крылов успел купить и оформить на неё до ареста. Приставы до неё не добрались. Крыша над головой у девчонки была. Работа тоже. Да, после суда на ней повисло невидимое клеймо. Карьера рухнула, и теперь она сидела в пресс-службе на птичьих правах, строча черновики релизов за копеечную зарплату.

Но со своим жильём на жизнь и на продукты ей бы хватило. Я вспомнил её прямую спину сегодня утром на кухне. То, как она смотрела на меня с гордостью, кусая губы, чтобы не заплакать. По-хорошему, девушка с такими принципами скорее пошла бы мыть полы по ночам, чем взяла деньги у семьи, посадившей её отца. Если только эти принципы не дешёвая фальшивка.

Внутри всё заledenело от злости на самого себя. Я купился на её образ невинной, гордой жертвы. Но правда наверняка куда банальнее: гордость гордостью, а перебиваться от зарплаты до зарплаты никому не хочется. Она просто продала свою свободу на миллион рублей, чтобы не считать копейки. Обычная меркантильная дрянь, мастерски играющая роль оскорбленной невинности. И от этого осознания почему-то стало еще паршивее. Захотелось немедленно вернуться домой и сорвать с неё эту маску.

— Мне пора, — я резко бросил на стол купюру, обрывая Егора на полуслове, и поднялся. — Дела.

По пути домой я заехал в супермаркет за продуктами. Вспомнил, что в холодильнике шаром покати. Из чего она вообще утром умудрилась приготовить эти оладьи? Впрочем, девчонка наверняка заказала себе пиццу, вряд ли сидит и умирает с голоду.

Я толкнул дверь квартиры, и прямо с порога меня окутал густой аромат домашней еды с нотками пряностей и чеснока. Бросив пакеты в прихожей, я прошел на кухню. Удивленно посмотрел на плиту: там стояла глубокая сковорода с тушеным мясом и овощами, от которой поднимался одуряюще вкусный пар.

В гостиной неярко мерцал экран телевизора, бормоча что-то на минимальной громкости. Я шагнул туда и замер.

Вера спала на диване, свернувшись калачиком. Под глазами залегли резкие темные тени от усталости. Тонкие, почти прозрачные запястья, чуть приоткрытые во сне губы, длинные ресницы на бледной коже.

— Мяу.

Этот неожиданный звук вывел меня из оцепенения. В коридоре сидел кот и нагло смотрел прямо на меня своими жёлтыми глазищами. Вообще-то он должен был находиться в её комнате, но Вера, видимо, оставила дверь открытой, и он выбрался наружу. Кот снова требовательно мявкнул, явно хотел жрать.

Я подошел к нему. Животное тут же развернулось и деловито побежало в спальню, ведя меня прямиком к своей пустой миске. Дожили. Я на побегушках у кота.

— Сиди тут и не рыпайся, рыжий.

Я насыпал корм и вышел, плотно закрыв за собой дверь.

Затем вернулся в гостиную к дивану. Снял кресла мягкий плед и осторожно накрыл Веру до самых плеч, сам не знаю, зачем.

Я постоял над ней еще пару секунд, глядя на её спокойное, расслабленное лицо. Красивая картинка. Очень убедительная. Жаль только, что я точно знаю её цену.

Глава 13. Операция

Вера

Зубы стучали так, что я боялась, не раскрошатся ли они у меня. Я до боли стиснула челюсти, бессмысленно уставившись в пустой вордовский документ на мониторе. Меня трясло так, что даже горячий чай не мог меня согреть.

Понедельник. Обычный, суетливый понедельник в пресс-службе. Вокруг стучали по клавиатурам коллеги, гудел принтер, кто-то негромко обсуждал прошедшие выходные. А у меня внутри всё превратилось в ледяную пустоту.

Мой телефон лежал на столе рядом с мышкой. Я гипнотизировала его воспаленными от бессонной ночи глазами. Пошёл четвертый час операции, от которой зависела папина жизнь.

— Крылова!

Резкий, недовольный голос Лидии Петровны ударил по натянутым нервам хлыстом. Я вздрогнула и едва не смахнула телефон со стола.

— Ты уснула с открытыми глазами? — начальница нависла над моим столом, смерив меня тяжелым взглядом. — Где пресс-релиз по пятничному мероприятию? Десять утра уже!

Я слотнула вставший в горле сухой ком, с трудом фокусируясь на её недовольном лице.

— Почти готов, Лидия Петровна. Мне нужно еще немного времени...

— «Почти» на сайт не выведишь! — отрезала она, раздраженно цокнув языком. — Хватит гипнотизировать мобильный, Крылова. Твой ухажер никуда не сбежит. А вот сроки горят. Работай давай, мы тебя тут не за красивые глаза держим. Чтобы через пятнадцать минут текст был у меня на почте!

Она развернулась и грузно поплыла по проходу между столами.

Я судорожно втянула воздух, кусая губы до солоноватого привкуса, только бы не сорваться и не расплакаться прямо здесь, на виду у всего офиса.

Никто здесь не был в курсе. Для коллег я оставалась просто девчонкой с невидимым клеймом, дочерью казнокрада, которой сделали одолжение, оставив на копеечной должности. Я не могла никому сказать, что прямо сейчас, в закрытой клинике под охраной конвоя, хирурги пытаются спасти моему отцу жизнь.

Господи, только бы не зря. Только бы он выжил. Иначе всё это... всё это потеряет всякий смысл.

После обеда, когда я уже почти не могла внятно соображать от нервов и просто тупо смотрела в монитор, телефон на столе внезапно завибрировал. Незнакомый номер.

Я схватила трубку непослушными пальцами, едва попадая по зеленой кнопке.

— Вера Борисовна? Здравствуйте, это Осинцев, хирург. Операция завершена. Всё прошло успешно.

Я с шумом выдохнула. Зажмурилась, ощущая, как дикое, сковывавшее меня напряжение вдруг отпускает. Словно ледяная корка, в которой я жила все эти дни, треснула и начала физически осыпаться кусками.

— Как он? — голос дрогнул и сорвался на сиплый шепот.

— Сейчас в реанимации, отходит от наркоза. Состояние стабильно тяжелое, но сердце справляется. Если всё пойдет по плану, дня через три переведем в обычную палату. А ровно через неделю, как и было согласовано с УФСИН, конвой пустит вас на короткое свидание.

— Спасибо.

Можно было наконец-то расслабиться. Да, впереди еще восстановление, но самое страшное позади. Я смогу спокойно улететь в Пекин, зная, что с папой всё в порядке. Если можно назвать порядком пребывание в колонии строгого режима.

Выйдя с работы, я решила пройтись пешком. Домой не тянуло совершенно, я всё никак не могла свыкнуться с мыслью, что теперь живу с Басмановым. И хотя вчера мы почти не пересекались, а сегодня он ушел еще до того, как я проснулась, возвращаться в ту квартиру не хотелось. Если бы не голодный Пончик, я бы гуляла до самой ночи, чтобы прийти и сразу рухнуть спать.

Едва я переступила порог квартиры, скинула ботинки и бросила сумку на пуф, как в дверь резко позвонили. Я даже не успела распечатать шоколадку из автомата, которая должна была стать моей первой едой за сегодня.

«Денис ключи забыл?» — мелькнула мысль.

Я щелкнула замком и распахнула дверь.

На пороге стояла рыжеволосая девушка просто бомбической красоты. Яркий макияж, дорогие украшения — она выглядела как сошедшая с обложки глянца картинка. На ней были ботфорты на такой немыслимой шпильке, что даже смотреть было страшно. Я бы навернулась с них в первую же минуту.

Она уже по-хозяйски шагнула было внутрь, но осеклась, наткнувшись на меня. Её идеально очерченные губы удивленно, а затем брезгливо поджались.

— Денис дома? — требовательно спросила она, пытаясь заглянуть мне за спину.

Я машинально стиснула в руке нераспечатанную шоколадку, преграждая ей путь. Воздух в коридоре мгновенно пропитался удушливым облаком её тяжелого парфюма.

— Здравствуйте, — вежливо ответила я. — Нет, его нет. А вы, простите, кто?

Девушка театрально изогнула бровь и смерила мой мятый офисный костюм презрительным взглядом, словно оценивая бракованный товар на полке.

— Я? Я Марина. Девушка Дениса. Точнее, мы были вместе, пока ему вдруг не приспичило поиграть в семью. Заехала забрать свои... скажем так, кружевные вещи, которые тут забыла. А ты вообще кто? Новая домработница? Или... — она осеклась, и её глаза метнулись к моему безымянному пальцу. Губы скривились в издевательской усмешке. — О, боже. Только не говори, что ты и есть его невеста?

Сил на скандал у меня не было от слова совсем. Только разборок с бывшими мне сегодня не хватало.

— Допустим, — устало выдохнула я, глядя прямо в её колючие глаза, и замолчала, ожидая, пока она уйдет.

Но Марина не собиралась уходить. Она фыркнула, по-хозяйски опираясь плечом о дверной косяк, и бесцеремонно окинула меня взглядом еще раз.

— Откуда ты вообще только вылезла. Мы с Дэном отлично проводили время, у нас всё было просто идеально. И тут бац — он тащит в ЗАГС какую-то серую мышь. Ты что, залетела от него по пьяни? И генеральский сынок решил поиграть в благородство?

Я поперхнулась воздухом от такой наглости, а Марина, восприняв мое растерянное молчание как подтверждение, победно усмехнулась.

— Ясно. Классика. Слушай сюда, девочка, — она чуть подалась вперед, и от приторного запаха её духов меня едва не замутило. — Басманов — не тот мужчина, который будет довольствоваться одной женщиной. Тем более такой невзрачной. Он хищник, ему нужен драйв, а не унылая клуша с шоколадкой в кулаке. Ты его просто не потянешь. Он, может, и поставит штамп ради приличия или ребенка, но спать всё равно будет приезжать ко мне. Так что не обольщайся насчет этого кольца.

Марина грациозно отстранилась от косяка, возвышаясь надо мной на своих шпильках, как хищная птица.

— Даю вашему браку полгода. А потом он просто вышвырнет тебя на улицу. Чао. Белье пусть оставит себе на память.

Не дожидаясь моей реакции, Марина брезгливо дернула плечиком, развернулась и уверенно зацокала каблуками к лифту.

Захлопнув дверь, я прислонилась к ней спиной и закрыла глаза. Плитка шоколада в руке начала таять, но аппетит пропал окончательно.

Самое мерзкое, что в одном эта глянцева стерва была абсолютно права. Денис действительно вышвырнет меня на улицу после окончания контракта. Я для него никто. Удобная, купленная за деньги декорация для галочки в личном деле. И рядом с такими роскошными, яркими женщинами, как Марина, я действительно выглядела жалкой, помятой серой мышью. Разница была лишь в том, что я не залетала, я просто продалась.

Холодная реальность снова навалилась на плечи, мигом стерев ту лёгкую эйфорию, которую я испытывала после звонка хирурга.

Из комнаты слышалось требовательное «мяу». Я тяжело выдохнула и заставила себя подняться. Хорошо, что в этой огромной чужой квартире меня искренне ждал хотя бы голодный кот.

Глава 14. Генерал Басманов

— Утром я уезжаю в командировку на неделю, — внезапно объявил Денис вечером. — Завтра зайди к отцу. Он хотел что-то обсудить насчет свадебного банкета.

На последнем слове он слегка поморщился, выдавая лицом всё свое отношение к нашей свадьбе.

— Хорошо, зайду, — ровным голосом ответила я.

Если честно, я очень обрадовалась, что он уезжает. Мы с Пончиком прекрасно проведем время без созерцания его угрюмой физиономии. Хоть и очень красивой.

Интересно, а той рыжей Марине он улыбался? Хотя, мне какая разница.

На следующее утро ровно в десять я была у двери кабинета Басманова-старшего. Тихо постучала, преодолевая робость.

— Геннадий Николаевич, Денис сказал, вы хотели меня видеть.

— Да, Вера, проходи.

Присев на всё тот же кончик стула напротив него, я молча ожидала начала разговора. В кабинете генерала мне было неуютно, и я никак не могла преодолеть это ощущение.

— Как отец?

— Всё хорошо, спасибо вам большое. Особенно за внеочередное свидание. В понедельник поеду к нему.

Генерал кивнул, как будто что-то помечая себе в голове.

— Двадцать восьмого у вас с Денисом роспись. Хоть брак и фиктивный, знать об этом никому не обязательно. Поэтому устроим небольшой закрытый банкет, для официальных лиц, разумеется. Никаких тетушек или подружек невесты. Будут мои коллеги из ведомства, пара человек из штаба.

Я подавила тяжелый вздох. Значит, даже Таньку позвать не получится. Я буду на собственной свадьбе абсолютно одна, в толпе незнакомых людей в погонах.

— Я поняла, — тихо отозвалась я, сцепив пальцы на коленях. — А что именно от меня потребуется на этом банкете?

— Соответствовать статусу жены будущего военного атташе, — чеканя слова, ответил Басманов. — Улыбаться, помалкивать и выглядеть влюбленной.

— Хорошо, — кивнула я, не обращая внимание на то, как неприятно сдавило в груди. — Но у меня есть одна просьба, Геннадий Николаевич.

Генерал внимательно, тяжело посмотрел на меня из-под седых бровей.

— Слушаю тебя.

— Я бы очень хотела, чтобы информация об этой свадьбе не дошла до моего отца. Ни через ваших коллег, ни через знакомых. Мой папа ни в коем случае не должен узнать о том, что я выхожу замуж за вашего сына.

В повисшей тишине было слышно только гудение кондиционера.

Лицо генерала неуловимо изменилось. Улыбка всё ещё играла на губах, но глаза стали холодными, колючими. В них мелькнуло что-то... разочарованное?

— Вот как? — он медленно откинулся на спинку кресла. — Значит, Борис не в курсе? Ты не сказала отцу, чьи именно деньги спасли ему жизнь на операционном столе?

— Нет, — я покачала головой, чувствуя, как по спине пробежал неприятный холодок. — Он думает, что это кредит. Если он узнает, что я согласилась на фиктивный брак, его сердце просто не выдержит. Пожалуйста, Геннадий Николаевич.

Басманов-старший задумчиво постучал пальцами по полированному дереву стола.

— Странная ты дочь, Вера. Я бы на твоём месте всё же сообщил отцу такую новость. — В его голосе проскользнула едва уловимая странная интонация, от которой мне стало не

по себе. — Борису было бы крайне полезно узнать, что его девочка теперь под крылом семьи Басмановых. Что мы о тебе заботимся.

Он произнес это с такой интонацией, словно речь шла не о заботе, а о клейме на моей шее.

— Ему нужен только покой, — упрямо повторила я, сглотнув тугой ком в горле.

— Ну как скажешь. Как минимум от меня он этого точно не узнает. Да и вряд ли от кого другого. Насколько я знаю, никто из бывших коллег с ним не общается.

От этих слов у меня больно кольнуло в сердце. Он был абсолютно прав. Никто не хотел ничего знать об опальном генерале. Его словно стерли ластиком.

Странное, липкое послевкусие от этого разговора не отпускало меня до самого конца дня. Я никак не могла отделаться от одной мысли: почему Геннадий Николаевич как будто расстроился? Зачем человеку его уровня было так важно, чтобы арестованный бывший подчиненный узнал о нашей браке? В этом было что-то глубоко неправильное. Что-то жестокое и личное, чего я пока не могла понять.

Дома я с облегчением переоделась в шорты и майку. Перед Денисом я так ходить не хотела, было как-то неудобно.

Выпустила Пончика, безнаказанно нарушая запрет хозяина дома. Не убудет от его идеальных поверхностей.

Огромная пустая квартира давила своей стерильностью. Я пошла на кухню и открыла холодильник. Вчера Денис завез продукты, забив полки практически под завязку. Наверное, это была такая форма заботы по контракту. Или просто привычка военного человека обеспечивать всем необходимым.

Захотелось хоть немного оживить это ледяное пространство и занять руки. Я достала яблоки, яйца и принялась за готовку.

Спустя час кухню наполнил сумасшедший аромат свежей выпечки и корицы. Пончик уютно свернулся клубком на стуле. Я налила себе чай с куском горячей шарлотки и впервые за день почувствовала, как отпускает внутреннее напряжение.

Взгляд упал на телефон. После странного и давящего разговора с генералом внутри остался неприятный осадок. Может написать Денису, хотя бы просто сообщить о визите к его отцу.

Я взяла мобильный и машинально открыла контакты.

И тут же горько усмехнулась.

У меня даже не было его номера.

Я выхожу замуж за мужчину, которому не могу написать сообщение. Мы ни разу не созванивались, а все детали назначил его отец. Абсурдность и дикость ситуации накрыли с головой.

— Ну и ладно, правда, Пончик? Зато папе становится лучше. А мы с тобой со всем справимся.

Блин. Марья Петровна же возвращается в конце недели.

Я глубоко вздохнула и погладила кота. Скоро я останусь без своего единственного союзника в этом огромным холодном доме.

Друзья, у кого не работает телеграм, приходите в мою группу в ВК. Можно поиску "Майя Земцова| Романы 18+" или перейти по ссылке из раздела "Обо мне" тут на Литнет. ##

Глава 15. Платье

Танька очень расстроилась, услышав, что на свадьбу её не позовут.

— Ну хотя бы на роспись-то мы сможем подойти? Ваши генералы вряд ли поедут в ЗАГС.

— На роспись, думаю, да, но она будет не торжественная.

— Неважно, я хочу тебя чмокнуть и проводить в двухлетний путь с твоим диктатором. И давай, собирайся. Едем выбирать тебе платье.

Через час мы с ней встретились в торговом центре «Облака». Не самый модный, зато с адекватными ценами.

После часа жарких споров мы выбрали белое элегантное платье с ажурными вставками. Достаточно простое, чтобы в нём можно было куда-нибудь выйти и просто так.

— Ну ты просто красotka, Верок! — светилась удовлетворением Таня. — Да и плевать, что свадьба фиктивная. В любом случае это твой праздник.

Нам упаковали платье, и я вынула карточку.

— Я надеюсь, ты платье не на свои деньги покупаешь? — спросила Таня.

— Да какая разница, Тань. Оно же недорогое. Басманов и так заплатил за операцию миллион, банкет устроил. Денис кольцо купил. Не хватало ещё кланчить деньги на это.

— Ну банкет он себе устроил. А вообще я считаю, что жених тебе мог бы и свою карточку оставить.

— Да ну тебя, Танька.

После шопинга мы уселись с ней в небольшой кафешке. Таня заказала нам два огромных капучино с лавандовым сиропом. Но тему с деньгами она закрывать явно не собиралась.

— Я абсолютно серьезно, Вера.

Подруга сделала глоток, скрестила руки на груди.

— Он же мужик. Причем явно не бедный. А ты свою зарплату крошечную на это тратишь. Мог бы и подумать, что невесте нужно в чем-то в ЗАГС идти.

Я устало вздохнула и принялась мешать ложечкой пенку в чашке.

— Тань, пойми, это не настоящая семья. Это просто сделка. Я и так чувствую себя должной по гроб жизни. Если я сейчас начну просить у Дениса деньги на наряды, то кем я буду выглядеть? Обычной содержанкой.

Таня фыркнула.

— Ты будешь выглядеть как его жена. И вообще это всё нужно для их генеральской показухи. Могли бы и бюджет выделить на свои декорации.

— Денис забил продуктами весь холодильник перед отъездом. Он не жадный. Просто мы не обсуждали такие вещи. У нас сугубо деловые отношения.

Подруга скептически покачала головой и отпила кофе.

— Смотри сама. Но если твой диктатор даже на роспись придет без букета, я лично выскажу ему всё, что о нем думаю.

Я невольно улыбнулась. Представить, как миниатюрная Таня отчитывает хмурого гиганта Басманова, было очень забавно.

К кофе мы решили заказать один кусок торта на двоих.

— Слушай, а он вообще как? Ну, в быту? — спросила сестра, отламывая ложечкой нежный бисквит.

— Мы почти не пересекаемся. Он поздно приходит и рано уходит. Квартира у него как музей или операционная. Никакого уюта. Хорошо хоть Пончик там есть.

— Ну он тебя уже того? Завалил на кровать в страстном порыве? А если говорить попростому, вы трахались уже?

Я чуть не поперхнулась и залилась краской до кончиков ушей.

— Таня, блин!

Сестра рассмеялась, довольная получившимся эффектом.

— Ну а что, он мужчина в самом расцвете сил, и физических, и сексуальных. Или ты всерьёз считаешь, что ваши отношения ограничатся подписью в свидетельстве о браке?

Вот неугомонная, блин. Задала мне тот самый вопрос, который я сама со страхом задаю себе каждый день и не знаю ответа. Не могу же я просто спросить Басманова: «Кстати, а ты планируешь меня трахать?».

Танька хитро прищурилась.

— Я, если честно, ещё тогда после клуба была уверена, что у вас всё будет в ту ночь. Уж больно он страстно утаскивал тебя подальше от Олечки.

Я снова вспыхнула, стараясь успокоить сердцебиение, потому что память услужливо прокрутила в голове кадр из того вечера, когда он прижал меня к стене. До сих пор ощущала жар на коже от его тёмного взгляда.

— У нас контракт на два года. Надеюсь, у каждого будет своя комната. Я для него просто удобное прикрытие для дипломатической карьеры.

— Вер, ты, конечно, прости, но ты же девственница и не очень хорошо понимаешь потребности взрослых мужчин. Варианта всего два — либо он трахает тебя, либо он трахает кого-то ещё. Третьего не дано.

Она поставила чашку на стол с небольшим стуком, словно ставя уверенную точку после своих слов.

— Но если честно, я не понимаю, чё ты так дергаешься. Если вот так объективно, он же красивый до одури. Хоть и тиран. Роскошный мужик, за которым наверняка куча баб бегают. А тебе он достаётся бесплатно на два года. Да и тебе, моя дорогая, давно пора уже сорвать свой цветочек. В конце концов, это для здоровья полезно.

У меня уже пылали не только уши, но даже волосы, по-моему. Мне некомфортно было обсуждать такие интимные вещи даже с сестрой, но Танюхе всё нипочём. Она внезапно полезла в сумку и достала упаковку таблеток.

— Это очень хорошие таблетки, поверь, я долго подбирала, консультировалась у самых лучших гинекологов. Бери эту пачку и начинай приём. А потом сходи к гинекологу, и он выпишет тебе рецепт, следующую будешь сама покупать.

Она провела мне мини-лекцию о правилах приема оральных контрацептивов, и хотя я упорно отказывалась, заставила меня сунуть таблетки в сумочку.

— Вера, ты поверь старой опытной женщине, первый секс случится тогда, когда его не ждёшь, а беременеть от него ты вряд ли хочешь. Или хочешь? — хитро подмигнула Танька.

— С ума сошла! Конечно, нет, да он и не позволит оставить ребенка. Генерал сразу мне сказал в лицо, что о наследниках не может быть и речи.

Таня скептически покачала головой.

— Ох, Верунь, ты смотри, не влюбись в него, а то ты девушка у нас неискушенная. Как поплывешь от своего майора, а он потом через два года свинтит. И будешь плакать в подушку.

Я закатила глаза, хотя щеки предательски вспыхнули. Я влюбиться в Басманова? Этого точно не произойдёт.

— Мне сейчас не до влюбленностей, Тань. Главное пережить свадьбу. Сначала роспись, потом этот ужасный закрытый банкет. Я там никого не знаю.

— Эй, отставить панику!

Таня ободряюще накрыла мою ладонь своей.

— В ЗАГСе будем мы с Олегом. Мы придем с цветами и будем кричать «Горько» громче всех. А на банкете просто стой рядом со своим майором и красиво улыбайся. Пусть все эти важные шишки завидуют.

— Дожить бы еще до этой свадьбы, — пробормотала я, отодвигая пустую чашку. — Денис скоро возвращается из командировки. Нам как-то придется налаживать быт и устанавливать правила на эти два года.

Остаток дня пролетел незаметно. Мы болтали о всякой ерунде, и мне удалось хоть немного отвлечься от гнетущих мыслей о предстоящей свадьбе.

Когда я вернулась в пустую квартиру Дениса, на улице уже стемнело. Я аккуратно повесила чехол с новым платьем в шкаф. Пончик привычно потерся о мои ноги и требовательно мяукнул. Я насыпала ему корма и пошла в свою комнату.

Впереди была еще целая неделя до торжества. Неделя, чтобы морально подготовиться к роли жены Басманова.

Глава 16. Пока, Пончик

В воскресенье я проснулась и сразу же притянула к себе Пончика, который от неожиданности издал звук, похожий на кричающий мявк. Сегодня моего рыжего напарника нужно будет вернуть его законной владелице, отчего внутри было очень грустно.

— Бросишь меня тут одну, Пончик, да? На растерзание холодному майору.

Пончик лишь мурчал, поднимая лоб навстречу каждому движению моей руки.

Ладно, надо собираться. Я обещала Марье Петровне привезти его к обеду, так что времени не так много.

Я поставила чайник и нырнула в душ. В суперсовременной душевой кабине можно было включить музыку, что я и сделала с удовольствием, запустив Адель.

— We could've had it a-a-all! — пела я в полный голос, перекрикивая шум воды. — Rolling in the de-e-ep!

Эту песню я знала наизусть от первого до последнего слова и сейчас отдавала ей все свои эмоции. Еще раньше, когда я училась в универе, мы с однокурсницами часто заваливались в караоке на выходных, и это была первая песня, которую я выбирала.

Закончив банно-песенные процедуры, я плотно обмоталась полотенцем, а из второго соорудила тюрбан на голове. Сейчас завтрак, потом получасовой забег по квартире в попытках впихнуть Пончика в переноску, вызов такси и поездка домой. Вручу кота владелице, заодно загляну к себе, взять кое-какие вещи.

Нанеся на тело крем с легким шиммером, чтобы кожа красиво мерцала, я распустила влажные волосы, оставляя их сушиться на воздухе. Открыла дверь ванной и решила по-быстрому заскочить на кухню налить кипятка в чашку, чтобы чай успел остыть, пока я буду переодеваться в комнате.

И замерла на пороге, едва не выронив из рук махровую ткань, которую придерживала на груди.

На кухне был Денис.

Он сидел за барной стойкой, отпивая кофе из кружки. В простых потертых джинсах и обтягивающей черной футболке, подчеркивающей мощный рельеф мышц на руках и широкой груди, он казался еще крупнее, чем обычно.

Услышав мои шаги, он медленно повернул голову. Его темный-зелёный, обжигающий взгляд скользнул по моему растерянному лицу, спустился к голым ключицам, блестящей от крема коже и остановился на краешке короткого полотенца, едва прикрывающего бедра. В воздухе повисла густая, тяжелая тишина. Денис изучал меня так внимательно, что под этим взглядом мне стало невыносимо жарко.

— У тебя отличное произношение на английском, — вдруг нарушил молчание Басманов. На его губах мелькнула едва заметная, чуть насмешливая улыбка. — Сразу чувствуется школа МГИМО.

Я вспыхнула так, что, кажется, стала одного цвета с вареным раком. Щеки и шею обожгло стыдом. Он слышал! Слышал, как я там завывала Адель на всю квартиру!

— С-спасибо, — с трудом выдавила я, мечтая немедленно провалиться сквозь землю или раствориться в воздухе. — Я не знала, что ты вернёшься утром, ты говорил, что будешь в шесть.

— Рейс поменяли, — ответил Денис, продолжая совершенно неприкрыто разглядывать меня.

Я попятилась назад, инстинктивно пытаюсь скрыться в коридоре, но тут взгляд Дениса опустился ниже. Насмешливая улыбка моментально исчезла с его лица. Густые брови сурово сошлись на переносице.

— Ты почему босиком? — его голос резко похолодел, зазвучав привычными приказными нотками. — А ну быстро надень тапки. Полы ледяные, не хватало еще, чтобы ты слегла с простудой перед пятницей.

В этом грубом рыке сквозила такая неожиданная, почти собственническая забота, что я окончательно растерялась, так и застыв в дверном проеме, а потом опустила взгляд на свои ступни. Пальцы ног невольно подогнулись от холодной плитки.

— Я просто за кипятком вышла, — пробормотала я, судорожно перехватывая край полотенца на груди.

— Чайник давно вскипел и уже остыл, надо снова ставить, — спокойно констатировал Денис. Он сделал очередной глоток кофе и не сводил с меня потемневших глаз. — Иди оденься, Вера. Я сам тебе налью.

От того, как хрипло прозвучало мое имя, по спине пробежали мурашки.

— Хорошо, спасибо, — пискнула я.

Развернувшись, я позорно сбежала в свою спальню. Я физически чувствовала, как его тяжелый взгляд прожигает мне спину.

Уфф... Хорошо, что хотя бы голой не вышла. Хотя под его взглядом я себя чувствовала именно голой.

Я быстро оделась, решив, что завтрак вполне можно пропустить. Но просто молча бежать было неприлично, поэтому я вышла на кухню. На столе стояла чашка с чаем и, к моему удивлению, тарелка с бутербродами. Я почему-то думала, что он питается одним протеином, судя по мышцам.

— Денис, я съезжу, отвезу Пончика, заодно проверю, как там моя квартира, и захвачу кое-что. Позавтракаю дома уже, спасибо за чай.

— Сядь, Вера.

Опять эти приказные нотки. Как же он достал. Эти военные замашки дико бесили меня.

— Денис, — открыла было я рот, но он перебил меня.

— Сядь и спокойно позавтракай. А потом я сам тебя отвезу. Хватит убегать, как испуганный мышонок.

Я растерянно посмотрела на тарелку. Два аккуратных бутерброда с ветчиной и сыром. До меня вдруг дошло, что Басманов специально стоял и резал для меня хлеб. В голове это совершенно не укладывалось. Этот огромный холодный мужик, привыкший только раздавать приказы, сам сделал мне завтрак.

Вздохнув, я послушно опустилась на высокий барный стул. Спорить с ним сейчас было себе дороже, да и желудок предательски заурчал от аппетитного запаха.

Я взяла бутерброд и откусила кусочек. Денис молча допивал свой кофе и не сводил с меня потемневших глаз, отчего кусок буквально застревал в горле. Эта его манера пристально разглядывать меня ужасно нервировала.

— Во сколько нужно вернуть кота? — нарушил он тишину, когда я потянулась за чашкой.

— Хозяйка ждет к обеду.

— Успеем. Ешь давай.

В этот момент на кухню деловито вбежал Пончик. Почуввав запах ветчины, он целенаправленно направился к Басманову и требовательно потерся о его джинсы, задрав хвост трубой. Я напряглась, ожидая, что Денис сейчас рявкнет на наглого зверя или оттолкнет его ногой.

Но майор лишь задумчиво опустил взгляд на рыжую морду, а затем молча отломил крошечный кусочек ветчины со своей тарелки и кинул на пол.

Пончик мгновенно проглотил угощение и замурчал как мотор трактора. Я поспешно спрятала улыбку за чашкой с чаем. Кажется, наш железный терминатор оказался не таким уж и бесчувственным, каким хотел казаться.



Дорогие мои, для публикации на литнет картинки приходится ужимать. В моём телеграм канале и ВК вы найдете их в исходном отличном качестве! ##

t.me/mayazemtsova

БК по поиску: Майя Земцова | Романы 18+

Глава 16.1

Закончив завтрак, я заманила Пончика при помощи ветчины в переноску, которую тут же перехватил Денис, и мы спустились вниз.

Всю дорогу я уговаривала Пончика орать потише, глядя его в переноске, стараясь не расплакаться от предстоящего расставания. За две недели я успела сильно привязаться к этому рыжему наглецу.

Передача прошла под мои предательские всхлипывания, хотя я понимала, как глупо это выглядит. Марья Петровна радостно прижимала к себе недовольно мяукающего кота и долго меня благодарила.

Попрощавшись с соседкой, мы зашли в мою квартиру. Я потеряла глаза, окончательно прогоняя остатки слез, и быстро скинула кроссовки.

— Проходи на кухню, Денис, я быстро. Сделать тебе чай?

— Нет, спасибо.

От его габаритов моя кухня казалась ещё более крошечной. Мне стало неловко оттого, насколько тесная и простая моя квартира по сравнению с его хоромами.

На кухне висели фотографии нашей семьи, и Денис встал напротив, внимательно изучая их.

Я переминалась с ноги на ногу, чувствуя себя ужасно неловко. Денис слишком внимательно разглядывал счастливые кадры с наших отпусков, где мы с папой беззаботно смеялись на камеру.

— А где твоя мама? — вдруг спросил он, не отрывая взгляда от фотографий.

— Она умерла от рака, когда я мне было тринадцать, — тихо ответила я.

Денис медленно повернул ко мне голову. В его темных глазах на секунду мелькнуло что-то похожее на сочувствие, но он тут же снова спрятал всё за своей привычной непроницаемой маской.

— Пойду собирать вещи, — поспешно бросила я, чтобы избежать продолжения этого тяжелого разговора, и скрылась в спальне.

Я собрала кое какие мелочи, положила пару книг, косметику и украшения.

Потом пошла в гостиную и замерла перед высокой стенкой. Мне нужна была большая коробка с вещами, которая хранилась на самой верхней полке шкафа, куда я обычно залазила со стремянки, учитывая свой рост. В этот раз я решила обойтись табуреткой, чтобы не идти на балкон через кухню за лестницей.

Я встала на табуретку, одной рукой ухватившись за дверцу антресоли для равновесия, а второй попыталась дотянуться до плотного картона.

Внезапно раздался громкий треск. Хлипкие петли, которые давно нужно было подкрутить, не выдержали моего веса. Дверца с хрустом оторвалась, и я с тихим вскриком полетела назад, теряя опору.

Но упасть я не успела.

Меня перехватили сильные мужские руки. Денис, оказавшийся прямо у меня за спиной, поймал меня так легко, словно я была пушинкой. Я буквально впечаталась лопатками в его широкую грудь. Сквозь тонкую ткань моей одежды моментально проступил жар его тела, а по коже от этого внезапного прикосновения побежала целая стая мурашек.

Он был просто гигантским. Его горячие ладони крепко и надежно держали меня за талию, не давая пошевелиться, а дыхание обжигало макушку. В тесной комнате вдруг стало катастрофически не хватать воздуха.

— Я... я давно хотела починить эту дверцу, — смущенно пролепетала я, с трудом обретая способность говорить и стараясь не смотреть на него. — Да всё руки не доходили.

Денис разжал пальцы и сделал шаг назад, позволяя мне выпрямиться. Я судорожно выдохнула, чувствуя, как пылают щеки от его близости.

— Где у тебя инструменты? — спокойно спросил он, забирая из моих дрожащих рук оторванную деревяшку.

— В коридоре, в нижней тумбочке, — пискнула я.

Уже через пару минут суровый майор уверенно орудовал отверткой, ловко и быстро вращая дверцу на её законное место. Он скинул пальто и остался в одной футболке, под которой перекачивались мышцы при каждом движении.

Это зрелище так заворожило меня, что я захотела немедленно сказать какую-нибудь глупость, чтобы стряхнуть с себя воздействие его спины.

— Надо же, ты умеешь чинить вещи, удивлена. Я думала генеральский сын привык только держать устав в руках.

Широкая спина Дениса едва заметно дрогнула. Он докрутил последний шуруп, отложил отвертку и неторопливо повернулся ко мне. В его потемневших глазах плясали откровенно насмешливые искры. По этому хитрому прищурю было видно: он прекрасно понял, что я вернула ему должок за утренние олады.

— Устав я тоже держу крепко, — ответил он и сделал медленный шаг в мою сторону.

Я инстинктивно вжалась лопатками в шкаф. Денис подошел почти вплотную, оперся рукой о стену прямо над моим плечом и чуть склонил голову. Воздух между нами мгновенно стал густым и горячим.

— Но мои руки вообще способны на многое, — его голос понизился до вкрадчивого бархатного шепота. Взгляд медленно и откровенно скользнул по моим губам, а затем спустился к ключицам. — И уж поверь, я умею делать руками вещи куда более приятные, чем ремонт старой мебели.

Краска залила мое лицо с такой скоростью, что стало невыносимо жарко. От этого прямого и недвусмысленного намёка всё внутри скрутило горячим узлом.

— Не сомневаюсь в этом, — буркнула я, мечтая немедленно провалиться сквозь землю от смущения.

Я выскользнула из-под его горячей руки и пулей метнулась к своим коробкам.

— Ты так забавно смущаешься, Вера. — Басманов положил отвертку в ящик с инструментами и отнес на место.

Он вернулся в гостиную, прислонился плечом к дверному косяку и скрестил руки на груди. Вся тяжелая, искрящаяся игривость моментально испарилась из его голоса, уступив место привычному ледяному цинизму.

— Прямо настоящая тургеневская барышня. Даже не верится, что за этой невинной краской скрывается такая расчетливость.

Я замерла со стопкой вещей в руках, чувствуя, как жар на щеках мгновенно сменяется холодным оцепенением. Эти слова ударили наотмашь, выбивая воздух из легких.

— Отличная актерская игра, — жестко усмехнулся Денис, скользнув по мне колючим, сканирующим взглядом. — Идеально отыгрываешь смущение. С таким талантом строить из себя святую простоту ты точно стоишь каждой вложенной копейки.

Слова прозвучали как пощечина. Вся та хрупкая, почти уютная атмосфера, которая возникла между нами минуту назад, с треском разлетелась на мелкие осколки. Для него я по-прежнему оставалась просто товаром, купленным по контракту. И плевать ему, что деньги пошли на операцию отца, а себе я не взяла ни копейки.

Ну и мне плевать.

— Да, вот такая я расчетливая тварь, Денис. Но извини, возврат уже оформить не получится.

Я резко отвернулась, не давая ему увидеть, как предательски заблестели глаза. Схватила с полки первые попавшиеся вещи и начала жестко впихивать их в сумку. Руки мелко дрожали от сдерживаемой обиды.

Сзади повисла тяжелая тишина. Басманов больше не произнес ни слова. Я слышала только его ровное дыхание.

Застегнув молнию с такой силой, что чуть не оторвала бегунок, я подхватила сумку за ручки. Развернулась и решительно пошла к выходу. Денису пришлось отстраниться от дверного косяка, чтобы пропустить меня.

— Я всё взяла. Можем ехать.

Я бросила это сухим неживым голосом, проходя мимо и даже не посмотрев в его сторону.

Обратный путь до его квартиры прошел в глухом звенящем молчании. Я сидела, отвернувшись к окну, глядя на мелькающие улицы, и думала, что я совсем не понимаю человека, который станет моим мужем через пять дней.

Его поведение совершенно не укладывалось в голове. То он проявляет какую-то грубую собственническую заботу, заставляя обуться на холодном полу и делая мне завтрак, то вдруг окатывает ледяным презрением, фактически называя продажной и расчетливой. Басманов словно состоял из одних противоречий. И как выжить рядом с ним эти два года, я совершенно не представляла.

Глава 17. Слухи пошли

Вера

В понедельник утром я снова была в клинике. Страх, который душил меня последние недели, наконец-то отступил, дав место робкой надежде. Операция прошла успешно.

В палате было тихо, только приборы мерно отсчитывали ритм папиного сердца. Он выглядел гораздо лучше, чем в прошлый раз. К лицу вернулся слабый румянец, а взгляд стал более ясным, хотя слабость все еще сковывала его движения.

Я присела на край стула и осторожно накрыла его ладонь своей.

К чёрту Басманова. Пусть думает что хочет.

Мой позорный контракт, мои слезы и унижение, всё это фигня по сравнению с тем, что папа будет жить.

— Верочка, — выдохнул папа, слабо улыбнувшись. — Врачи говорят, я иду на поправку семимильными шагами. Скоро переведут обратно в лазарет.

— Тебе нельзя торопиться, пап. Нужно окрепнуть, — я старалась говорить бодро, хотя сердце сжималось от мыслей о предстоящем прощании. — Послушай... Мы уже скоро уедем с Денисом. Боюсь, что до нашего отъезда мы не успеем увидеться. Следующее свидание решат нескоро, а у него строгий график, подготовка к объекту в Красноярске идет полным ходом. Сдвинуть отъезд нельзя.

Папа нахмурился, в его глазах промелькнула тень грусти, которую он тут же попытался скрыть.

— Я так надеялся успеть хотя бы мельком увидеть твоего инженера. Пожать ему руку.

Я отвела взгляд, делая вид, что поправляю одеяло. Если бы папа увидел «инженера» Дениса, вряд ли бы он стал жать ему руку. Ложь жгла мне горло, но я продолжала играть свою роль.

— Боюсь, что не успеем, пап. У него сейчас очень плотный график. Но я буду постоянно писать тебе через «ФСИН-Письмо», ты же знаешь, это быстро доходит.

Отец лишь молча кивнул.

— Хорошо, дочка. Буду ждать твоих рассказов о Сибири. Главное, пиши правду. Если этот Иванов тебя хоть чем-то расстроит, я хочу об этом знать.

— Всё будет хорошо, папа. Он очень заботливый, — соврала я, вспоминая вчерашние слова Дениса о моей расчетливости.

Время свидания подходило к концу. Я поднялась и крепко прижала папину руку к своей щеке.

— Я люблю тебя, пап. Поправляйся ради меня.

— И я тебя люблю, Верочка. Будь счастлива там.

На работу я вернулась с ощущением пустой тоски в груди. Мне очень не хотелось оставлять папу так надолго. Хотя я же не буду сидеть там взаперти. Как минимум раз в год Денису положен отпуск, и мы наверняка прилетим в Россию. Я могла бы и одна приехать через четыре месяца, чтобы подгадать к следующему свиданию, вот только у меня совершенно нет таких денег на билеты.

— Крылова! Опять мечтаешь, только и вижу тебя летающей в облаках.

И я рада вас видеть, Грымза Петровна... ой, Лидия Петровна. Жаль, нельзя сказать так вслух.

Начальница подошла к моему рабочему столу.

— Через час начнется коллегия. Доклад читает генерал Басманов, так что с тебя черновой протокол. Диктофоны проверила? Списки прессы готовы? Смотри мне, Крылова, чтобы без накладок.

— Всё готово, Лидия Петровна, — ровным голосом ответила я, хотя от одной только фамилии Басмановых внутри всё напряглось.

Начальница удовлетворенно кивнула и умчалась по коридору. Как только за ней закрылась дверь, ко мне подкатила на своем стуле Аллочка. Она была единственной из всего отдела, кто относился ко мне по-человечески. Мы часто вместе пили кофе в местной столовой и иногда болтали после работы.

— Вечером Каримов проставляется, — заговорщически шепнула она. — Капитана получил. Пойдем?

— Меня не звали, — пожала я плечами, убирая запасные батарейки в карман пиджака.

— Ой, да туда никого лично не зовут. Все сами приходят, ты чего! Ты во внутренний чат вообще не заглядываешь?

Я действительно старалась лишний раз не открывать наш корпоративный портал с его вечными сплетнями и обсуждениями.

— Он в основном девчонок зовет и пару парней из своего отдела, — продолжала уговаривать Аллочка. — Сразу после коллегии быстро посидим в его кабинете. Пошли, хоть выдохнешь немного.

Я неуверенно кивнула. Наверное, мне и правда не помешало бы немного отвлечься от тяжелых мыслей после больницы.

Само мероприятие вытянуло из меня все соки. Я простояла на ногах почти два часа, следя за журналистами и контролируя запись. Будущий свекор читал доклад с ледяной уверенностью, и в его жесткой интонации я отчетливо слышала нотки Дениса.

Когда всё наконец закончилось и прессу выпроводили за КПП, я буквально поползла в туалет на нашем этаже, чтобы умыться лицо холодной водой перед тем, как идти к Каримову.

Я как раз закрылась в кабинке, когда входная дверь скрипнула. Внутрь зашли две девушки из соседнего управления. Зашумела вода в раковине, звякнула молния на косметичке. Я уже собиралась выйти, как вдруг услышала свою фамилию.

— Да ты шутишь! Не может быть такого, — фыркнул звонкий голос, перекрывая шум воды.

— Я тебе точно говорю, — с явным превосходством ответила вторая. — Басманов-младший женится на Крыловой. У них роспись на этой неделе.

— На нашей Крыловой? Это просто невозможно. Она же совершенно никакая. Скучная, серая. Еще и дочь опального генерала, который сейчас сидит. Какая из нее невестка для такой семьи? Сто процентов пустые сплетни.

У меня похолодели руки. Я зажала рот ладонью, вжавшись лопатками в холодную кафельную стену кабинки и боясь издать даже малейший звук. Слухи всё-таки уже просочились.

— Да слушай, она или залетела, хотя я вообще не представляю, что у Басманова на нее встал, или это какая-нибудь фикция, — уверенно продолжила вторая девушка. — Ну не может такой мужчина, как Денис всерьез на ней жениться. Ты Басманова вообще видела? От него же за километр тестостероном и властью фонит.

Слово «фикция» ударило под дых. Они попали в самую точку, расковыряв мою рану с безжалостной точностью. Я сильно зажмурилась, чувствуя, как к горлу подкатывает горькая обида от этого унижительного обсуждения.

— Да у него до этого только модели одни и были, — вздохнула первая. Звонко щелкнул колпачок помады. — Эх, я бы сама с ним с таким удовольствием бы закрутила. Да половина нашего министерства ноги бы раздвинула не раздумывая, позови он. А тут Крылова... Бред какой-то. Сюр.

Скучная, серая? Недостойная величественной семьи Басмановых? Да пошли они, эти сучки.

С грохотом распахнув дверь кабинки, я решительно подошла к зеркалу. Девушки тут же притихли, хотя ни капли смущения на их расфуфыренных лицах не мелькнуло. Скорее недовольное превосходство.

— Слышу, вы обсуждаете меня и моего жениха? — ровным голосом произнесла я, открыв пудреницу, делая вид, что поправляю макияж. — Мечтать, конечно, не вредно, девочки. Можете и дальше вздыхать по его тестостерону, но кольцо он надел мне. Так что закатайте губы обратно и хорошего вечера.

Первая презрительно фыркнула, вторая смирла меня уничижительным взглядом с ног до головы. Они молча переглянулись и, демонстративно цокая шпильками по кафелю, покинули туалет.

Я судорожно выдохнула, чувствуя, как мелко дрожат пальцы от выброса адреналина. В этот момент входная дверь снова открылась, внутрь влетела запыхавшаяся Аллочка.

— Вер, ты чего застряла? Там Каримов уже вторую бутылку открывает! Ой, а ты чего такая бледная?

Я посмотрела на свое отражение. Обычная светлая блузка, неброский нюдовый макияж, аккуратно убранные волосы. Никакая.

— Алка, у тебя есть с собой красная помада? — неожиданно для самой себя спросила я.

— Есть, — она удивленно моргнула, доставая из кармашка яркий тюбик. — Держи. А тебе зачем?

— Надоело быть серой мышью, — глухо ответила я.

Я щедро провела алым цветом по губам, распустила волосы, позволив им свободно рассыпаться по плечам, и расстегнула верхнюю пуговицу блузки. Хватит с меня ампула забитой жертвы.

В кабинет Каримова я зашла с высоко поднятой головой. Там уже вовсю шло веселье. На сдвинутых столах красовались пластиковые стаканчики, нарезка колбасы и осетинские пироги. Каримов, раскрасневшийся и явно уже отметивший свое новое звание, тут же оказался рядом. И его сальный взгляд моментально сфокусировался на моих ярких губах.

— Верочка! А я думал, ты не придешь, — он широко улыбнулся и протянул мне полный пластиковый стаканчик с вином.

— Я ненадолго. Поздравляю с новым званием, Серёж.

— Спасибо, спасибо, моя дорогая. Что же ты к нам чаще не присоединяешься, Верунчик? Мы по пятницам в кабачок ходим тут неподалеку от работы, очень вкусные ребрышки там. Давай с нами в пятницу?

— В пятницу я не могу, — ровным тоном ответила я. Тут, видимо, пока ещё не знали о моем «новом звании», которое я получу в пятницу.

— Ну что ты такая строгая постоянно? — Каримов бесцеремонно положил тяжелую ладонь мне на талию и склонился к самому уху. — Давай выпьем, расслабимся. Шикарно выглядишь сегодня.

Я пододвинулась к Аллочке, вежливо, но твердо снимая с себя его руку.

— Серёга, отстань от Веры. Твои подкаты тут не сработают! — тут же встала на мою защиту Алла. — Давай лучше тост за новое звание. И трижды ура!

— Ура!

Все чокнулись и выпили.

Я воспользовалась моментом, пока все закусывали, и незаметно перебралась на соседний стул, оказавшись поближе к стене. Меня откровенно напрягало липкое внимание Каримова.

— Так, друзья! Не будем оттягивать залупу! Серёга, доставай своих новых клопов! — весело гаркнул кто-то из старших офицеров, ставя на стол начатую бутылку водки. — Топи, пока не разбежались!

Каримов грохнул на стол гранёный стакан, куда ссыпал четыре новенькие металлические звездочки. Старший наполнил его водкой до краёв.

Господи, неужели он выпьет стакан водки до дна? Я с ужасом представляла, в каком он будет состоянии через полчаса. Надо будет сбежать под шумок.

Каримов встал, одернул форменную рубашку, шумно выдохнул и залпом влил в себя содержимое. Мы все замороженно смотрели, как ходит его кадык. Осушив стакан до последней капли, он ловко поймал звездочки губами, выплюнул их в подставленную ладонь и хрипло гаркнул:

— Товарищи офицеры! По случаю присвоения мне очередного воинского звания «капитан» представляюсь! Капитан Каримов!

Кабинет взорвался аплодисментами, свистом и одобрительным смехом.

После этого официальная часть плавно перетекла в обычную попойку. Разговоры пошли в привычное русло. Коллеги обсуждали сегодняшний брифинг, ругали ненормированный график и начальство. Аллочка что-то увлеченно рассказывала про свой отпуск, а я просто кивала, делая вид, что пью вино.

Каримов тем временем откровенно накачался. С каждым новым тостом его взгляд становился всё более мутным и масляным.

Около восьми вечера я встала.

— Мне пора домой. Сергей, поздравляю еще раз с назначением.

— Э, куда! Вера! Не бросай нас так рано! — пьяно начал возражать Каримов.

— Всё, пока-пока. Аллочка, до завтра.

Я быстро выскочила из кабинета, облегченно выдохнув. Уфф, это был первый и последний раз, когда я участвую в корпоративной жизни коллектива. Забрав пальто и сумку, я поспешила на выход.

В коридорах министерства было уже пусто. Я спустилась на первый этаж, кивнула дежурному на КПП и толкнула тяжелую входную дверь.

На улице было зябко. На крыльце, несмотря на поздний час, стояла стайка девчонок из соседнего управления. Те самые, что пару часов назад в туалете так увлеченно обсуждали мою серость и «тестостерон» Басманова. Они курили и тихо переговаривались, кутаясь в куртки.

Я уже собиралась спуститься по ступенькам, когда позади тяжело хлопнула дверь.

— Верочка! Погоди!

Я обернулась и мысленно застонала. Каримов, криво накинув куртку поверх форменной рубашки, неуклюже вывалился на улицу. Его заметно мотало.

— Я провожу, — он тяжело шагнул ко мне, преграждая путь к ступеням. — А то поздно уже, темно. А ты у нас такая красotka сегодня...

Курящие девицы мгновенно замолчали и с откровенным любопытством уставились на нас.

— Спасибо, Сергей. Я доберусь сама, — ровно ответила я и попыталась обойти его.

Но пьяный капитан вдруг резко подался вперед. Он грубо схватил меня за плечи и дернул на себя, пытаясь ткнуться мокрыми губами прямо в мое лицо.

— Да ладно тебе ломаться, Вер.

— Отпусти! — я с отвращением оттолкнула его в грудь.

Каримов пошатнулся, но хватку не ослабил.

И в следующую секунду его руки буквально оторвало от моих плеч.

Денис появился совершенно бесшумно. Он не стал устраивать драку на ступенях ведомства, просто перехватил запястье Каримова и коротко, жестко вывернул его под таким углом, что новоиспеченный капитан захрипел и мгновенно осел на колени от прострелившей боли.

Тишина на крыльце стала звенящей. Девушки с сигаретами замерли, боясь даже вздохнуть. Басманов возвышался над скорчившимся Каримовым, небрежно засунув свободную руку в карман черного пальто, и смотрел на него сверху вниз абсолютно ледяным взглядом.

— Ещё раз... — голос Дениса звучал обманчиво тихо, без единой громкой ноты, но от этого смертоносного спокойствия по спине поползли неприятные колючие мурашки. — Ещё раз ты дотронешься до моей невесты, и новые погоны тебе уже не понадобятся. Я тебе руки вырву. Усвоил?

Каримов, кажется, протрезвел в одну секунду. Он сдавленно простонал и часто закивал, глядя снизу вверх полными животного ужаса глазами. Басманов брезгливо разжал пальцы, отшвырнув его руку от себя, словно испачкался.

Затем тяжелый, давящий взгляд Дениса медленно скользнул по застывшим с открытыми ртами девушкам на крыльце. Те синхронно вжали головы в плечи, наглядно убедившись, что слухи не врал.

Басманов повернулся ко мне, и его тон сменился на сухой и приказной:

— В машину.



Глава 18. Чёртова красная помада

Он нажал на газ и мгновенно сорвался с места, не скрывая своего раздражения. А я просто откинулась на подголовник и устало закрыла глаза. Слишком много событий для одного дня, чтобы еще волноваться из-за скандала, который явно собирался закатить Басманов.

— Ты совсем страх потеряла? — его голос ударил по барабанным перепонкам, перекрывая ровный гул двигателя. — Ты что там устроила? Решила напоследок собрать побольше внимания в этом гадюшнике?

Я даже не пошевелилась.

— Я просто зашла поздравить коллегу с повышением. Это вежливость, Денис. Тебе, наверное, не знакомо это слово.

— Вежливость? — он зло усмехнулся, резко выкручивая руль. — Обжиматься на крыльце с пьяным капитаном на глазах у половины министерства — это теперь так называется? У тебя на губах помада размазана, «вежливая» ты моя.

— Ты идиот, Басманов? — наверно вино все-таки развязало мне язык, потому что в трезвом состоянии я бы не рискнула так к нему обратиться.

Я открыла глаза и посмотрела на него. В салоне было темно, только тусклый свет приборной панели подчеркивал его резко очерченные скулы и плотно сжатые челюсти.

— Помада на месте. А то, что ты увидел — обычное хамство пьяного человека, с которым я справлялась сама, пока ты не решил поиграть в героя. К чему этот цирк, Басманов? Тебе же плевать. Ты сам считаешь меня расчётливой дрянью, так какая тебе разница, кто на меня смотрит?

Денис резко затормозил на светофоре, и я едва не вылетела вперед, если бы не ремень безопасности. Он повернулся ко мне, и в его глазах полыхнуло что-то настолько тёмное и необузданное, что у меня перехватило дыхание.

— Разница в том, Крылова, что через четыре дня ты официально станешь моей женой. Ты почти носишь мою фамилию. Поэтому я не позволю всякому мусору лезть к тебе грязными руками. И красить губы этим блядским красным цветом ты тоже больше не будешь. Я ясно выразился?

Один его вид сейчас должен был меня напугать, но я лишь горько усмехнулась.

— Ясно. Ты не за меня боишься. Ты за свою репутацию дрожишь. Не переживай, я не испорчу твой идеальный фасад.

Я снова откинулась назад и закрыла глаза. Почувствовала, что сейчас расплачусь, и изо всех сил сжала зубы. Не доставлю такого удовольствия этому надутому индюку.

Тишина в машине стала невыносимой, давящей. Слышно было только, как тяжело и рвано дышит Денис. На следующем перекрестке он не поехал прямо к дому, а резко свернул в сторону набережной и затормозил в неосвещенном кармане.

— Ты чего творишь? — я открыла глаза, глядя на пустую темную дорогу.

— Вытри помаду, — приказал он, не глядя на меня. — Сотри эту дрянь с лица прямо сейчас.

— Нет, — я упрямо вздернула подбородок. — Тебе мешает, ты и не смотри.

Денис медленно повернулся. В его взгляде уже не было ярости, там застыло что-то гораздо более опасное. Он отстегнул свой ремень безопасности и рывком перемахнул через консоль, нависая над моим сиденьем. Я вжалась в дверцу, но бежать было некуда.

— Ты думаешь, это игра, Крылова? Решила показать зубки? — его голос вибрировал от напряжения. — Ты сама не понимаешь, как дешево это выглядит. Красная помада, пьяные офицеры вокруг... Ты хочешь, чтобы я поверил, что ты не такая? Так веди себя соответствующе.

— Я веду себя так, как хочу! — выкрикнула я ему в лицо. — Ты купил мое согласие на брак, а не мою личность. Ты не имеешь права указывать, какой помадой мне краситься!

Его рука железными тисками обхватила мой затылок, не давая отвернуться.

— Имею. Потому что я не хочу, чтобы при взгляде на тебя у каждого встречного идиота ширинка лопалась, как у того капитана.

Он замолчал, и его взгляд замер на моем рту. Расстояние между нами сократилось до предела, я чувствовала кожей жар, исходящий от него. Его большой палец с силой прошелся по моей нижней губе, размазывая тот самый красный цвет. Грубо, почти болезненно.

— Больше никогда, — прохрипел он, глядя мне прямо в глаза. — Никогда не смей привлекать к себе внимание таким способом. Ты поняла?

Вместо страха во мне вдруг вспыхнула ответная, ослепляющая злость. Я перехватила его запястье, пытаюсь оттолкнуть, но Денис даже не шелохнулся. Он продолжал смотреть на мои испачканные помадой губы, и я видела, как расширились его зрачки.

— Денис, ты что, ревнуешь меня? — спросила я внезапно охрипшим голосом, в основном от того, как близко сейчас были друг от друга наши губы.

Его пальцы на моем затылке дрогнули, но не разжались. На мгновение в салоне стало так тихо, что я слышала бешеный стук собственного сердца. Денис не отстранился. Напротив, он подался еще ближе, так что его дыхание обожгло мои губы.

Я замерла, боясь дыхнуть. Его зрачки заполнили всю радужку, превратив глаза в две бездонные черные воронки. Он смотрел на мой рот так, словно хотел не то уничтожить меня, не то...

Я невольно приоткрыла губы, и время будто заиклилось. Секунда, вторая. Его лицо было в паре сантиметров от моего. Внизу живота натянулась тугая струна, и я на какой-то безумный миг действительно поверила, что сейчас он сорвется. Взгляд Дениса метнулся от моих глаз к губам, и я почувствовала, как его пальцы на затылке сжались чуть сильнее.

Но Денис вдруг коротко и зло усмехнулся. Жесткая маска безразличия вернулась на его лицо так быстро, что я едва успела заметить перемену.

Он медленно убрал руку от моего затылка, но перед этим еще раз с нажимом провел большим пальцем по моей нижней губе, окончательно стирая с нее остатки помады. Его палец был сухим и шершавым, и это прикосновение обожгло сильнее возможного поцелуя.

— Не льсти себе, Крылова, — его голос снова стал холодным, как лед в стакане виски. — Чтобы ревновать, нужно иметь к человеку хоть какие-то чувства. Я просто не люблю, когда на моей собственности остаются чужие слюни. Считай это вопросом гигиены.

Он рывком вернулся в свое кресло и с силой вцепился в руль.

— Приведи себя в порядок. Видеть тебя в таком виде тошно.

Машина сорвалась с места так резко, что меня вжало в сиденье. Я смотрела в боковое окно на пролетающие мимо огни набережной, чувствуя, как на губах горит клеймо от его пальцев. Злость ушла, оставив после себя только липкое чувство унижения и странное разочарование, в котором я боялась признаться даже самой себе.

Я достала салфетку и принялась остервенело стирать красные разводы с лица. Внутри все кипело от ярости.

Собственность? Вопрос гигиены?

Павлин напыщенный. Хотелось развернуться и вклепить ему пощечину, но я только сильнее вцепилась в сумку, глядя в окно на мелькающие фонари.

Да пошёл он со своими правилами.

Глава 19. Титаник

До свадьбы оставалось два дня, и атмосфера в квартире накалилась до предела. Мы практически не разговаривали, обмениваясь только короткими бытовыми фразами.

До нашего отъезда в Пекин оставалось меньше месяца, и я не находила себе места от нервного напряжения.

Нормальные отношения у нас с Денисом так и не складывались, но здесь меня хотя бы спасало ощущение дома.

А там, в чужой стране, я окажусь в вакууме. Без возможности просто выйти и попить кофе с Танюхой или Аллочкой, постоянно один на один с Басмановым, в условиях вечной игры на публику.

От этих мыслей становилось по-настоящему жутко. Пекин казался не экзотической командировкой, а дорогой и очень комфортабельной тюрьмой.

Я всегда приходила домой раньше него, и сегодняшний вечер не стал исключением. Одиночество в пустой квартире чувствовалось особенно остро. Как же мне не хватало сейчас Пончика.

Я устроилась в гостиной, включила телевизор и запустила «Титаник». Идеальный фильм, чтобы окончательно добить и без того паршивое настроение.

Денис вернулся как раз в тот момент, когда Роза выпрыгивала из шлюпки. Укутанная в плед по самую шею, я всю утирала слезы и шмыгала носом. Он вошел в зал и молча замер, переводя взгляд с меня на экран.

— Серьезно? — его голос сочился скепсисом. — Ты решила устроить вечер сопливых мелодрам?

— Имею право, — я даже не обернулась, демонстративно поглубже зарываясь в плед. — В этой квартире слишком тихо. А так я хотя бы слышу что-то, кроме твоего вечного недовольства.

Денис прошёл к дивану и положил ноутбук на журнальный столик. Он выглядел уставшим, под глазами залегли темные тени. Ослабив узел галстука, он на несколько секунд устался на экран.

— Никогда не понимал, почему все так болеют этим фильмом.

— Людям нужны эмоции, Денис, — я шмыгнула носом и потянулась за очередной салфеткой. — Нам нужно сопереживать кому-то, плакать, чувствовать что-то настоящее. Но тебе этого не понять.

— Почему же, — хмыкнул он, подходя к холодильника и доставая бутылку воды.

— Ты же у нас стальной. Наверняка считаешь любую слабость непозволительной роскошью. Ни себе не разрешаешь, ни другим.

Басманов снова усмехнулся, отпивая воду. Затем подошёл ближе и сел на диван, продолжая наблюдать за тем, как океанский лайнер медленно уходит под воду.

— Слабость — это брешь в защите, Вера. В моей работе те, кто поддается эмоциям, долго не задерживаются. Либо ты контролируешь ситуацию, либо ситуация ломает тебя. Все остальное лирика для тех, у кого слишком много свободного времени.

На экране оркестр продолжал играть на палубе тонущего судна, создавая странный контраст с тяжелой тишиной в комнате.

— У меня нет твоего номера, — внезапно вылетело у меня.

Денис недоуменно посмотрел на меня. Я кусала губы, не сводя взгляда с экрана. Он протянул руку.

— Дай телефон.

Я молча разблокировала экран и вложила аппарат в его широкую ладонь. Денис быстро вбил цифры. Затем он нажал на вызов и сбросил звонок сразу же после короткой вибрации в кармане собственных брюк. Пальцы уверенно пробежались по сенсору, и он вернул мобильный мне.

Я опустила взгляд на светящийся дисплей. В пустом до этого списке «Избранное» появился новый контакт. Надпись гласила: «Твой муж».

Не «Денис». Не «Басманов».

Я уставилась на эти два слова, от которых внутри почему-то разлилось что-то приятное. Как тёплое молоко.

На экране телевизора лайнер издал жуткий металлический скрежет, разламываясь пополам. Вопрос сорвался с губ быстрее, чем я успела его обдумать:

— Денис... А как ты тогда оказался на крыльце? Ну, в тот вечер, когда ко мне пристал Каримов.

Басманов медленно повернул голову. В полумраке комнаты его глаза казались совершенно непроницаемыми. Он неторопливо закрутил крышку на бутылке с водой и отставил ее на журнальный столик.

— Ты задерживалась, — ровным, абсолютно лишенным эмоций голосом ответил он. — Я приехал узнать почему.

Вот так просто. Никакого рыцарского порыва. Голая прагматика и тотальный контроль над своей территорией.

Но почему-то именно сейчас, глядя на его усталый профиль в мерцающем свете экрана, мой страх перед неизвестностью немного отступил.

— Понятно, — еле слышно выдохнула я, плотнее кутаясь в плед.

Он больше ничего не сказал, продолжая молча смотреть, как ледяной океан поглощает остатки чужой истории.

А я пыталась понять, с чего вдруг у меня возникла уверенность, что Басманов никогда не позволит пойти ко дну тому, кто находится под его защитой.

Глава 20. Профдеформация Егора

Денис

Мы ненадолго встретились с Егором в том же ирландском пабе.

— Ну что, Басманов, готов повесить на себя кандалы законного брака?

Я усмехнулся.

— Готов. Только для меня ничего не поменяется.

— Ну как минимум спать придётся с одной женщиной. Некоторое время. Или у вас открытый брак?

При мысли о том, что до Веры дотронется какой-нибудь уёбок, у меня мгновенно оцепенелся загибок. Только нежелание связываться с отцом удержало меня тогда от того, чтобы не приложить Каримова рожей о кирпичную стену.

По крайней мере, не на ступеньках ведомства.

Ну и грёбаное реноме надо держать: все-таки будущий пресс-атташе, а дерётся с пьяным капитаном из-за бабы.

Но сейчас я твёрдо решил, что трахну Веру после свадьбы.

Хрен знает, что есть в этой девчонке. Может, эта её показная хрупкость меня так цепляет.

Я ведь прекрасно знаю, что это маска, за которой прячется расчётливая девица, продавшаяся за миллион, но всё равно ведусь. Моему телу абсолютно плевать на ее моральный облик.

Смотрю на нее, такую правильную, зажатую, застёгнутую на все пуговицы, и хочу только одного — сорвать с нее эту броню и посмотреть, как она будет стонать подо мной. И я не собираюсь отказывать себе в этом удовольствии.

— Никакого открытого брака, — спокойно ответил я, делая глоток темного стаута. — Она моя жена по контракту. И пока действует договор, спать она будет только со мной.

Егор понимающе хмыкнул и откинулся на спинку кожаного дивана.

— Решил совместить приятное с полезным? Ну-ну. Только смотри не увлекись. Эта девочка с виду тихая мышка. Такие умеют вить веревки, если дашь слабинку.

Я презрительно усмехнулся.

— Слабинку? Не смеши. У нас сугубо деловое соглашение. Я купил её время и лояльность, так что глупо не пользоваться тем, за что уже щедро заплачено. В Пекине мне будет не до поисков развлечений на стороне, статус не тот. А тут готовый вариант под боком. И никаких истерик или лишних вопросов.

Егор покачал головой и салютовал мне бокалом.

— Циничный ты мудака, Басманов. Ну, за твой брачный контракт. Пусть окупается по полной.

Я молча чокнулся с ним.

Егор поставил пустой стакан на стол. Он медленно обвел пальцем ободок своего бокала, словно раздумывая, стоит ли продолжать, и вдруг посерьезнел.

— Кстати про твою невесту. Точнее про ее отца.

Я непроизвольно стиснул челюсти. Одно упоминание фамилии Крылова вызывало глухое раздражение.

— И что с ним? Сидит и пусть сидит.

— Я тут просматривал кое-какие отчеты, — Егор понизил голос и слегка подался вперед.

— По его делу не все так ровно. Мутная там история.

Я нахмурился. Мои пальцы крепче сжали влажное стекло бокала.

— В смысле мутная? Все доказательства железобетонные.

— Доказательства иногда рисуются очень красиво, особенно когда сверху спускают четкий приказ.

Егор смотрел на меня в упор.

— Ходят слухи, что его просто грамотно слили, — продолжил он осторожно. — И кто-то очень влиятельный хотел побыстрее убрать его с доски. Ты сам в детали вникал?

Злость вспыхнула мгновенно. Я с силой поставил бокал на стол, привлекая ненужное внимание пары хипстеров за соседним столиком.

— Ты сейчас серьезно? — рявкнул я. — Решил оправдать этого ублюдка? Ты прекрасно знаешь, за что его закрыли.

— Я никого не оправдываю, — Егор поднял ладони, но глаза его оставались холодными и цепкими. — Просто говорю, что в папках подозрительно идеальный порядок. Так не бывает в реальных делах, если за ними не стоит чей-то серьезный интерес.

— Вина Крылова доказана, — отрезал я ледяным тоном, пресекая любые дальнейшие дискуссии на эту тему. — Он получил ровно то, что заслужил. И если ты решил поиграть в адвоката для этой мрази, то выбрал очень хреновое время. Тема закрыта.

Егор не сводил с меня взгляда.

— Да ладно тебе, Басманов. Я просто делюсь тем, что в курилках обсуждают. Мы же в одной системе варимся.

Я почувствовал, как к горлу подкатывает тяжелая, душная ярость. Друг сейчас невыразимо бесил меня.

— А ты говорил с Верой про её отца? — внезапно спросил Егор.

— О чем мне с ней говорить? — процедил я сквозь зубы. — О том, как легко она утешилась миллионом на счету? Крылов воровал вагонами, а его дочурка с радостью продалась за красивую жизнь, стоило папаше загреметь на нары. Яблоко от яблони. У тебя какие-то личные претензии к моему браку, Егор?

Егор усмехнулся. Для меня мир всегда был черно-белым: есть преступление, и есть наказание. И сейчас мой лучший друг зачем-то пытался добавить в эту картину сомнительных серых пятен.

— Претензий нет. Просто береги себя, — он допил остатки пива одним глотком. — В таких идеальных схемах всегда есть риск, что кто-то случайно потянет за ниточку, которую не стоило трогать.

Я резко поднялся, задев коленом стол так, что пустые бокалы жалобно звякнули.

— Слышь, Шерлок. Ты свои советы побереги для стажеров в управлении. Если ты позвал меня, чтобы пересказать сплетни обиженных следаков, у которых дело из-под носа увели, то зря потратил время.

Я подхватил свою куртку со спинки стула.

— У меня свадьба через два дня. И меньше всего я хочу слушать бред про «невинно осужденных» казнокрадов. Увидимся на регистрации. Если, конечно, не решишь до этого времени переквалифицироваться в правозащитники.

Не дожидаясь ответа, я развернулся и пошел к выходу. Затылок буквально горел под его взглядом. Бесило не то, что он сказал, а то, с каким спокойным превосходством он это произносил. Как будто знал что-то, чего не знал я.

Гребаный Егор со своей профдеформацией. В каждом шкафу ему мерещатся скелеты, даже если там висит обычный мундир.

А Крылов сдохнет в тюрьме, и это будет единственным справедливым финалом в этой истории.

Глава 21. Свадьба

Вера

В пятницу утром я поняла, что не хочу замуж.

Я не готова. Я не хочу выходить за Дениса.

Но у меня не было ни малейшей лазейки избежать этого брака.

Можно было, конечно, плюнуть на всё и позорно сбежать на пару месяцев. В конце концов, не вырвут же они у отца из груди свежие шунты обратно?

Вот только кончик хвоста под названием «интуиция» как заговоренный шептал мне этого не делать. Генерал Басманов не простит такого. И последствия будут куда страшнее просто позора.

Моё «утро невесты» выглядело до тошноты обыденно. Никаких визажистов, суеты подружек или весёлых конкурсов с выкупом. Я сама нанесла макияж и соорудила простую причёску, заколов волосы и выпустив несколько завитых прядей у лица.

Результат в зеркале меня вполне удовлетворил.

Затем я подумала еще немного и мстительно достала стойкую красную помаду, но сунула ее в сумочку.

В ЗАГСе перед регистрацией я обязательно забегу в туалет и накрашу губы, чтобы вывести из себя Басманова. И хрен он ее потом сможет стереть.

— Ты готова?

Денис застегивал запонки, бросив мельком на меня всего один взгляд.

— Да.

Он был, конечно, настоящий красавец в своем шикарном черном костюме и белой рубашке. Высокий, статный. Впору тут закомплексовать самой.

В его движениях не было никакого волнения, никакой праздничной суеты, только холодная сосредоточенность. Он выглядел так, будто собирался не на собственную свадьбу, а на очередную скучную встречу в штабе, исход которой был предreshен заранее.

Мое лаконичное платье на его фоне казалось слишком простым, почти сиротским, хотя я знала, что выгляжу достойно.

Наверное, это было мое внутреннее ощущение, что я всего лишь дополнение к его безупречному образу будущего дипломата.

— Тогда выходим, — бросил он, даже не дожидаясь моей реакции. — Машина ждет внизу.

Сегодня нас вез водитель его отца, поэтому мы сели рядом на заднее сиденье. Я нервно сжимала сумочку и кусала губы. Слава богу, там хотя бы будут Танька с Олегом.

Кстати, я же не предупредила его. Надеюсь, он не устроит сцену из-за этого.

— Денис, на регистрацию приедет моя сестра с её парнем. Которому ты чуть не вывихнул руку тогда в пабе.

Денис равнодушно пожал плечами.

— Мне всё равно. Но пусть не рассчитывает на извинения.

Он даже не повернул головы в мою сторону, продолжая смотреть в окно на мелькающий город. Его спокойствие пугало и злило одновременно.

Бесчувственный чурбан.

У входа в ЗАГС уже стояла Танька с красивым букетом и Олег в светлом костюме. Они выглядели так нарядно, словно сами приехали расписываться. Сестра бросилась мне на шею.

— Ой, Верка, ты настоящая красавица.

Олег исподлобья глядел на Дениса. Сначала просто кивнул ему, потом все-таки протянул руку для рукопожатия. К моему облегчению Басманов ответил. Он пожал руку Олега коротко и сухо, сохраняя на лице выражение ледяного спокойствия.

— Поздравляю, — выдавил Олег.

Голос у него был натянутый и прохладный. Чувствовалось, что он делает это только ради меня и приличий, а симпатии к моему будущему мужу у него не прибавилось ни на грамм после той стычки.

Денис лишь скупно кивнул в ответ, не утруждая себя лишними словами.

— Я знала, что жених твой вряд ли озаботится букетом, поэтому купила его тебе сама, — заявила Танька, бросая недобрый взгляд на Басманова. — Держи.

Она вручила мне очень красивый букет из красных роз, перевязанный ленточкой. Небольшой, аккуратный, который должен был идеально оттенить мои будущие красные губы.

— Тань, пойдем попудрим носик? До регистрации еще полчаса.

Мы пошли в туалет под тоскливым взглядом Олега, которого мы бросали наедине с Басмановым.

— Ну как ты, сестрёнка? Выглядишь отлично. Нервничаешь?

— Очень, Тань, — призналась я, доставая бунтарский тюбик. — А этому Каю с куском льда вместо сердца всё нипочем. Видела, насколько ему всё безразлично?

— Ага, — Танька щёлкнула пудреницей. — Хотя, конечно, выглядит он роскошно, этого не отнять. Точно заколдованный принц. Придется тебе его расколдовать поцелуем после регистрации.

— С ума сошла? Не собираюсь я его целовать. Просто распишемся и поедем на унылый банкет.

— Разбежалась! Банкет через два часа только. Поедем на Воробьевы горы, и хрен он отвертится. Фиктивная свадьба или нет, а фото у меня быть должны. Буду в старости пугать твоих внуков хмурой двухметровой Бабайкой с твоей первой свадьбы.

— Дура ты, Танька, — засмеялась я, оглядывая получившийся результат.

Губы были как кровавая рана, и мне это очень нравилось.

— Ого! Ты чё, Верок? — Танька с восхищением смотрела на меня. — По-моему, впервые тебя вижу в красном цвете. Тебе охренительно идет!

— Ага! Обязательно понаблюдай сейчас за лицом Басманова, когда я выйду. Он будет в бешенстве.

— Вот шовинист хренов. Наверное, из тех, кто мини-юбки своим женщинам запрещает носить. Молодец, Верка, так и надо его.

Когда мы вернулись в зал ожидания, там уже был тот самый блондин с серыми цепкими глазами, друг Басманова. Все трое мужчин замерли, глядя на меня. Олег и друг Дениса улыбались, а вот Басманов...

О боже, какой калейдоскоп эмоций прокрутился на его лице.

Сначала его брови едва заметно дернулись вверх от искреннего удивления, ведь он явно не ожидал увидеть на месте бледной тени эту вызывающе яркую женщину.

Следом полыхнуло узнаваемое раздражение, он мгновенно считал мой бунт и понял, что я сделала это специально.

Но на долю секунды в глубине его зрачков мелькнуло что-то еще, похожее на хищный азарт. Как будто этот «кровавый» акцент на моих губах зацепил в нём что-то тёмное.

Впрочем, этот проблеск тут же погас, сменившись привычной маской ледяного высокомерия и глухого недовольства.

Блондин сделал шаг вперед.

— Вера, очень приятно познакомиться, я Егор, друг Дениса.

— Очень приятно, это Таня, моя сестра.

Мы подошли к двери, наша очередь была следующей.

— Если что, помада стойкая, — не отказала я себе в удовольствии уколоть его. — Стереть пальцем не получится. Даже всей ладонью.

У Дениса слегка дернулась щека, а губы сложились в легком подобии усмешки. Он чуть склонился к моему уху и прошептал:

— Не переживай, дома я сотру ее другим способом.

Я захлебнулась воздухом. Что он имеет в виду?

Нет, я конечно понимаю, что теоретически у нас сегодня первая брачная ночь, но я рассчитывала провести ее в своей комнате одна.

Спросить его об этом я не успела, потому что дверь распахнулась и женщина с планшетом в руках объявила наши фамилии.

— Только двое свидетелей могут пройти с вами.

Олег остался снаружи, а мы вчетвером зашли внутрь.

Мы зашли в небольшой кабинет. Никакой позолоты и мраморных колонн, только рабочий стол, компьютер и шкафы с папками. Танька и друг Дениса встали за нашими спинами. Сестра тут же достала телефон и начала неистово щелкать, стараясь поймать каждый момент.

— Положите паспорта сюда, — буднично распорядилась женщина за столом.

Всё происходило под сухой стрекот принтера. В такой обстановке наша регистрация выглядела именно тем, чем она и была — деловой сделкой.

— Басманов Денис Геннадьевич, согласны ли вы взять в жены... — регистратор зачитала формулу без всякого выражения.

— Да, — коротко ответил Денис.

Когда очередь дошла до меня, я сглотнула вставший в горле ком.

— Да, — выдохнула я.

Мы поставили подписи. Регистратор привычным движением шлепнула печать.

— На основании поданного заявления объявляю вас мужем и женой. Обменяйтесь кольцами.

Денис взял мою руку. Его ладонь была горячее, и кольцо скользнуло на палец. Я надела его кольцо ответным жестом, стараясь не дрожать.

— Можете поцеловать невесту, — добавила женщина, уже потянувшись к следующей папке.

Я ждала формального сухого касания щеки, но Денис вдруг шагнул вплотную.

Его рука властно легла мне на затылок, а в следующий миг он впился в мой рот глубоким, собственническим поцелуем. Язык в моём рту орудовал жадно и властно, полностью подчиняя себе и игнорируя присутствие свидетелей. Меня насквозь прошибло обжигающим жаром, как будто внутри взорвался вулкан, заливая лавой все тело.

— Ого... — донеслось откуда то со стороны Таньки вместе с очередным щелчком камеры.

Когда он отстранился, у меня дрожали ноги. Его потяжелевший взгляд стал настолько бездонным, что мне стало трудно дышать.

— Забирайте паспорта, — кашлянула женщина за столом, явно смущенная таким напором.

— Идём, жена, — негромко бросил он.

Мы вышли, приняли поздравления от Олега, а затем Танька все-таки уговорила Басманова доехать до смотровой. Все расселись по машинам, договорились встретиться уже на месте.

Мы с Денисом опять оказались рядом.

— Что это было там, — слегка дрожащим голосом спросила я, до сих пор ощущая вкус его губ на своих губах и странную тяжесть внизу живота. — Отомстил мне за бунт?

— Почему? — Денис был абсолютно спокоен. — Поцеловал мою законную жену. А вечером я тебя ещё и трахну.

Его слова отскочили от кожаного сиденья и обожгли меня как вылетевшие из камина угольки. В салоне внезапно стало слишком мало кислорода.

— Я... я думала, наш брак будет фиктивным.

— Он и есть фиктивный. Что не исключает секса.

Он мазнул по мне голодным взглядом, отчего у меня тут же всё сжалось в животе.

— Надо сказать, эта помада чертовски тебе идет. Я хочу, чтобы однажды ты встретила меня с работы только в ней.

Щёки у меня пылали так, что о них впору было ковать металл.

— Денис, я тоже имею право голоса. Если я не хочу, ты...

— Поверь, ты захочешь, Вера, — понизив тон, бархатно отрезал Басманов, заставляя меня хватать ртом воздух.

Жар между ног стал абсолютно нетерпимым, и я с силой свела бедра, чтобы унять эту постыдную слабость.

Наш чудный диалог прервался, потому что мы доехали. После традиционного гуляния и фотографирования, Танька настояла, что поедет со мной, а Басманова пересадили к Егору.

Мы все доехали до ресторана, где распрощались с ребятами, и вдвоем с Денисом вошли в чопорное старинное здание.

Банкет прошел под бесконечные тосты за здоровье молодых и напутствия Денису на службу. Басманов-старший произнес длинную речь о правильно выбранных дорогах, от которых зависит дальнейшая судьба.

Слава богу, всё было так же официально, как и сам ресторан: обошлось без криков «горько» и уж тем более без пошлых конкурсов.

Я только нервно пила воду. В ушах до сих пор звенело возмутительное обещание Басманова: «Ты захочешь».

Домой мы вернулись в полном молчании. Всю дорогу я репетировала речь, которую планировала выдать ему в квартире. Едва мы зашли в дом, я первым делом скрылась в ванной. Мне нужно было умыться холодной водой. Я смыла весь макияж, включая чертову красную помаду.

Может, с такой бледной мышью он просто не захочет связываться?

На секунду возникла трусливая мысль запереться и не выходить. Но я тут же одернула себя.

Это несерьезно. Ну не изнасилует же он меня в самом деле? Я просто четко и твердо скажу ему «нет».

Выдохнув в последний раз, я вышла из ванной. Денис был в гостиной, у барной стойки. Он открывал вино.

— Иди сюда, Вера.

Он протянул мне наполненный бокал.

— Ты такая напряженная. Чего ты боишься? Я тебя не съем, — насмешливо сказал Денис, отпивая из своего бокала.

Я молча подошла ближе, приняла вино, сделала глоток. Может, хоть сможем поговорить как цивилизованные люди.

Денис пил, не сводя с меня обжигающего взгляда. Он был откровенным и неприкрытым, скользил по моим губам, опускался ниже, оставляя на моем теле огненные вспышки.

Мы стояли друг напротив друга. Чтобы отвлечься, я сделала большой глоток, чуть не на полбокала, и закашлялась. Горло обожгло, а в лицо моментально бросило краску.

— Осторожнее, — Денис поставил свой бокал и плавно подошёл ко мне. — Некуда спешить. У нас впереди целая ночь.

Он забрал мой бокал и отнес его на стойку, затем снова подошёл ко мне.

— Денис, давай серьезно, — я попыталась вернуть себе самообладание. — Всё, что ты говорил в машине... это ведь была просто игра? Провокация?

Он молчал несколько секунд, изучая моё лицо, затем протянул руку и провел тыльной стороной ладони по моей щеке.

— Я никогда не шучу такими вещами, Вера.

Он наклонился, сокращая дистанцию так, что я почувствовала запах вина и его кожи.

— И сейчас ты в этом убедишься.

#####

В телеграм канале и в ВК есть видео!

t.me/mayazemtsova

ВК: Майя Земцова. Романы 18+

Глава 22. Вот и всё

Я нервно отступила назад. Денис начал неторопливо расстегивать рубашку.

Я заворожено смотрела, как его сильные пальцы расстегивают пуговицу за пуговицей, с каждым сантиметром освобождая мускулистое тело моего мужа.

— Почему ты так ненавидишь меня? — тихо спросила я, стараясь, чтобы голос не дрожал. — Это не я заставила тебя жениться на мне. А твой отец.

— Ты могла бы отказаться, — парировал он, скидывая рубашку на пол. — Но когда услышала про миллион, то, конечно, не смогла сдержать свою продажную натуру, верно? Ты такая же, как твой отец.

Он мог бы взять кухонный нож, воткнуть мне в грудь и несколько раз провернуть рукоятку. И даже в этом случае мне не было бы так больно, как сейчас, когда я слышала эти несправедливые слова.

Он холодно п

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.